

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Russian-Armenian (Slavic) State University
Dagestan State University

THE THEORY AND PRACTICE OF GENDER STUDIES IN WORLD SCIENCE

Materials of the VI international scientific conference
on May 5–6, 2015

Prague
2015

The theory and practice of gender studies in world science : materials of the VI international scientific conference on May 5–6, 2015. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ». – 84 p. – ISBN 978-80-7526-025-3

ORGANISING COMMITTEE:

Ilna G. Doroshina, candidate of psychological sciences, assistant professor, chief manager of the SPC «Sociosphere».

Marzizhat A. Butayeva, doctor of philosophical sciences, assistant professor of the social technologies department in the Dagestan State University, president of women's union of Makhachkala.

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD:

Asya S. Berberyan, doctor of psychological sciences, professor, head of the psychology department, Russian-Armenian (Slavic) State University.

Dilnoz I. Ruzieva, doctor of pedagogical sciences, professor of Tashkent State Pedagogical University named after Nizami.

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines the problematic of the theory and practice of gender studies in world science. Some articles deal with questions of the concepts of sex and gender. A number of articles are covered gender relations in modern society. Some articles are devoted to forming of gender identity. Authors are also interested in cross-cultural gender researches.

UDC 001

ISBN 978-80-7526-025-3

The edition is included into Russian Science Citation Index.

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2015.

© Group of authors, 2015.

CONTENTS

I. INTERDISCIPLINARY ASPECTS OF THE STUDY OF THE CONCEPTS OF SEX AND GENDER

Воробьева С. Ю. Теоретико-методологический аспект гендерной атрибуции текста.....	5
Ergasheva G. I. Gender issues in translation	9
Пономарева В. В. «Жизнь по уставу»: заметки об уставах Мариинских институтов	13
Пылайкина В. П. Лингвосоциокультурная категория гендера в современном русском языке.....	16
Степанян Л. А. Особенности женской психологии в теоретических концепциях.....	18
Топка Л. В. Гендерная обусловленность категоричного речевого поведения	21

II. GENDER RELATIONS IN MODERN SOCIETY

Берберян А. С., Арутюнян А. А. Исследование гендерных особенностей самореализации женщин в профессиональной сфере.....	28
Богданова А. Ю. Эмансипация женщин как фактор определения гендерных ролей	32
Дегтяренко В. В. Урок дружбы как интерактивная форма проведения внеаудиторного занятия.....	34
Goldberg-Altynsev A. V., Dedyukhin A. S., Smirnov K. D. Some aspects of adultery of the urban population in Udmurt Republic	37
Лысенко Л. М., Крякина Е. О роли женщины в современном обществе.....	39
Уранхаева Г. Т., Байпеисова Г. М. Гендерные процессы в современном Казахстане: политика взаимодействия общества и власти.....	43

Шорыгин Е. А.

Гендер как основа формирования молодежных солидарностей:
на примере андрогинных и маскулинных субкультур.....48

III. FORMING OF GENDER IDENTITY AS THE PROBLEM OF PERSONALITY DEVELOPMENT

Асатурова Л. Л.

Виртуальная маскулинная идентичность как продукт сетевого
взаимодействия54

Хозяева Н. П.

Идентичность женщины в современном мире.....56

IV. CROSS-CULTURAL GENDER RESEARCHES: CULTURE AND GENDER STEREOTYPES

Воронова А. В.

Особенности возникновения гендерных исследований
в психологической науке в США и Западной Европе64

Мамиева И. В.

Женский дискурс в северокавказской литературе.....68

Мутиева О. С.

Состояние изученности проблемы гендерных исследований
в Дагестане75

План международных конференций, проводимых вузами России,
Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана,
Узбекистана и Чехии на базе НИЦ «Социосфера» в 2015 году79

Информация о журналах «Социосфера» и «Paradigmata poznání» 80

Всероссийский конкурс учебно-методических разработок педагогов
общеобразовательной школы «Пединновации» 81

Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské
centrum «Sociosféra-CZ»..... 82

Publishing service of the science publishing center «Sociosphere» –
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»..... 83

I. INTERDISCIPLINARY ASPECTS OF THE STUDY OF THE CONCEPTS OF SEX AND GENDER

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ГЕНДЕРНОЙ АТТРИБУЦИИ ТЕКСТА¹

С. Ю. Воробьева

*Кандидат филологический наук, доцент,
Волгоградский государственный
университет, г. Волгоград, Россия*

Summary. This article critically rethought relevance of gender studies in aspect of the theory of discourse. Methodological perspectives attribution «feminine» component letters.

Keywords: gender; discourse; feminism; feminine writing; verbal representation; identity; value; eco-friendliness.

Разработка приемов фиксации и семиотизации гендерного «присутствия» пишущего субъекта в тексте культуры – насущная задача гендерной теории и методологии. Практическая же ее цель состоит в выявлении и описании фактов этого присутствия в различных формах дискурсивных практик, отражающих особую (феминную) аксиологию. На основе этого возможна реконструкция иного образа мира – его феминной картины, которая наряду с традиционной даст столь необходимую сегодня коррекцию традиционной антропологической парадигме. Реальное применение подобные разработки могут найти не только в текстологии, криминалистике и судебной практике при решении проблемы атрибуции текста, но также в педагогике и методике преподавания помогая выработке адекватных гендерному сознанию когнитивных механизмов.

Кроме того, этический пафос гендера тесно связан с идеей гуманитарной консолидации и восхождением к пониманию человечности в новом, неиерархичном образе мира. В силу этого гендерный подход к текстам общественной коммуникации способен дать принципиально новый ракурс в оценке мира и человека, что, в свою очередь, приведет к пересмотру ценностных ориентиров и ревизии антропологической картины мира через процесс преодоления гендерной асимметрии.

Гендерными сегодня принято считать многочисленные изыскания различного характера, основанные на половых различиях респондентов.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-03-00068.

Их основная цель – мониторинг тех или иных предпочтений как населения в целом, так и отдельных его групп по различным признакам, например, возрастным, национальным, сословным, профессиональным и т. п. Называя их «гендерными», авторы публикаций проводят, по сути, полоролевые исследования, исходя из однозначной гендерной идентичности того или иного субъекта, обусловленной его половой принадлежностью, т. е. фактически дублируя термин «пол» [5].

Принципиальная новизна предлагаемого нами подхода обусловлена установкой на дискурсивный характер природы гендера, что позволяет:

- 1) разграничить гендерные и феминистские исследования;
- 2) существенно скорректировать объем и семантику самого понятия «гендер», имеющий сегодня целый спектр порой противоречащих друг другу определений;
- 3) выработать алгоритмы гендерного анализа текста [3].

Процесс постепенного отпочкования гендерных механизмов от жесткой половой детерминации предмета исследования очевиден в науке последних десятилетий.

В этом направлении многое уже сделано. Трактовка гендера как дискурсивного по своей природе феномена встречается в трудах, основанных на таких методологических концепциях, как психоанализ, постструктурализм и деконструктивизм, экзистенциализм и феноменология. Наиболее последовательными и методологически ценными в этом направлении стали работы К. Клеман [11], Э. Сиксу [10], Л. Иригарэ [12], Р. Брайдотти [2]. Оставаясь в рамках феминистской идеологии и риторики, авторы косвенно, а подчас и прямо апеллируют к различным типам дискурсивных практик как отражению специфической женской субъектности.

В определении М. Фуко [8], автор – это прежде всего создатель дискурса, причем дискурса принципиально инновационного, способного активно функционировать в социальном пространстве, т. е. определенным образом позиционировать себя по отношению к полю власти. Особым статусом, согласно М. Фуко, обладают авторы, находящиеся в транс-дискурсивной позиции: способные создать не просто текст или произведение, а саму возможность и правила образования других текстов – установить некую бесконечную возможность дискурсов. В связи с этим неизбежно возникает вопрос: способны ли авторы-женщины занять подобную транс-дискурсивную позицию? Способно ли гендерно ориентированное сознание автора-женщины, репрессированное всей предшествующей традицией языка и культуры породить новые правила, новую «бесконечную возможность дискурсов»? Именно эти вопросы – краеугольный камень феминистски ориентированной критики, которая позиционирует себя как альтернативу традиции, в коей видит только проявление патриархатного сознания.

Характеризуя особый статус авторов-«учредителей дискурсивности», М. Фуко отмечает, что их функция определяется не только тем, что они открыли некоторое число новых аналогий, но и сделали возможным некоторое число различий, т. е. сформировали новую структуру, предполагающую некоторый набор различающихся и иерархизированных признаков. Если предположить, что наличие значительного перечня психофизиологических и социальных различий между представителями противоположных полов может трактоваться как вполне весомое основание для существования гендерно ориентированных видов дискурса, то все сказанное М. Фуко об «учредителях дискурсивности» далее теоретически вполне соответствует процессам, о которых сегодня активно говорит феминистская критика. С различной степенью метафоричности она сравнивает «женский» дискурс с «всплывающей Атлантидой» (Габриэлян) [4], «полетом к невозможным горизонтам» (Брайдогги) [2], «зазеркальем» (Савкина) [7]. Эти образы, не претендуя на строгую научность и терминологический статус, тем не менее указывают на принципиально важное качество процесса, гипотетически называемого «женским дискурсом», как своего рода попытки восстановить утраченную некогда целостность, вернуться к тому, что вытеснено из общественного сознания, но напоминает о себе лишь зияющими пустотами, отражением в разбитом зеркале. Тогда, по Фуко, и происходит возвращение к самому тексту – к тексту в буквальном смысле, но и к тому, что в тексте маркировано пустотами, отсутствием, пробелом. Происходит возвращение к некоей пустоте, о которой забвение умолчало или которую оно замаскировало, которую оно покрыло ложной и дурной полнотой, и возвращение должно заново обнаружить и этот пробел, и эту нехватку [8, с. 47].

Под «женским дискурсом» мы понимаем ту гипотетически возможную форму объективации содержания сознания, которая регулируется недоминирующим в существующей социокультурной традиции типом рациональности, тем типом, который, латентно присутствуя в культуре, может быть пока лишь реконструирован. Строго говоря, ни одно из употребляемых сегодня в научном обиходе определений дискурса неприменимо по отношению «женскому дискурсу». Так, предложенная Ю. Хабермасом трактовка дискурса как рефлексивной речевой коммуникации, при которой важен процесс проговаривания всех ее аспектов, значимых для участников коммуникации, предполагает для женской субъектности, как минимум, статус участника этой коммуникации, что в реальности, последовательно игнорирующей женскую субъектность в культуре, сводится только к уровню бытовой коммуникации.

Интерпретация дискурса Э. Бенвенистом как «речи, присвоенной говорящим», тоже неприменима, т. к. женщина неизбежно «присваивает» речь, обеспеченную патриархатным типом дискурса, номинированного как общечеловеческий [6].

М. Фуко соотносит дискурс с репрезентацией поля власти, традиционно игнорирующей феминную составляющую. Следовательно, то, что условно может быть названо «женский дискурс», может быть представлено в этой репрезентации только как своего рода фигура умолчания, как контрстратегия и контртактика, которые, тем не менее могут быть восприняты и семиотизированы. Таким образом, настоящий проект, соотносясь напрямую с актуальными проблемными полями современного гуманитарного знания, стремится к решению одной из самых насущных проблем в теории гендера – выработке механизмов выявления дискурсивных репрезентаций гендера, при максимально широком понимании самого термина «дискурс», приравнивая его, по сути, к тому, что М. М. Бахтин в свое время называл «высказыванием», выстраивая мост между лингвистическими и литературоведческими методами исследования художественного текста [1, с. 17].

Таким образом, теоретико-методологическую базу гендерных исследований составляют несколько источников, имеющих существенные переклички и пересечения в трактовке женской инаковости и вкуче создающие, на наш взгляд, вполне завершенную и внутренне непротиворечивую концепцию формирования и бытования женской субъектности в виде особой дискурсивной практики, специфическим образом проявляющей себя в поле традиционной культуры.

Библиографический список

1. Бахтин М. М. Проблемы материала, содержания и формы в словесном художественном творчестве // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М. : «Худож. лит.», 1975.
2. Брайдотти Р. Женские исследования и политики различия // Введение в гендерные исследования. В 2 ч. – Ч. II : Хрестоматия / под ред. С. В. Жеребкина. – Харьков : ХЦГИ, 2001; СПб. : Алетейя, 2001. – С. 13–22.
3. Воробьева С. Ю. Речевая репрезентация внешнего и внутреннего мира современной женщины // Вестник Волгогр. гос. ун-та ударственного университета. – Сер. 2. Языкознание. – 2012. – № 1 (15). – С. 31–39.
4. Габриэлян Н. М. Всплывающая Атлантида (медитация на тему феминизма) // Общественные науки и современность. – 1993. – № 6. – С. 171–176.
5. Гендер как инструмент познания и преобразования общества: на пороге новых свершений. МЦГИ отметил свое 15-летие теория. URL: <http://www.gender.ru/pages/resources/publications/common/2006/01/01.php?from=anons> (дата обращения: 20.04.2015).
6. Дискурс // История философии. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/history_of_philosophy/173/%D0%94%D0%98%D0%A1%D0%9A%D0%A3%D0%A0%D0%A1 . (дата обращения: 10.11.2014).
7. Савкина И. Зеркало треснуло // Гендерные исследования. – 2003. – № 9. – С. 84–106.
8. Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности / пер. с фр. С. Табачниковой; под ред. А. Пузыря. – М. : Магистериум–Касталь, 1996.

9. Braidotti R. A New Normadism // Patterns of Dissonance : A Study of Women in Contemporary Philosophy. – NY : Cambridge: Polity Press, 1990. – P. 277–284.
10. Cixous H. The Helen Cixous Reader / Ed. by S. Sellers, with preface by H. Cixous and foreword by J. Derrida. – London ; New York : Routledge, 1994. – 232 p.
11. Cixous H., Clement C. The Newly Born Woman. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 1986. – 168 p
12. Irigaray L. This Sex Which Is Not One. – Ithaca : Cornell University Press, 1985. – 223 p.

GENDER ISSUES IN TRANSLATION

G. I. Ergasheva

*Candidate of Philological Sciences,
assistant professor,
Uzbek state university of world languages,
Tashkent, Uzbekistan*

Summary. The following research is done regarding gender in translation dealing specifically with the issue of the translators' gender identity and its effect on their translations, as well as on how *gender* itself is translated and produced. We will try to clarify what gender is, how gender manifests itself in the system of language, and what problems translators encounter when translating or producing gender-related materials.

Keywords: gender; discourse; literary translation; translators' gender identity.

In recent years, a considerable volume of academic literature and researches in the field of translation are being focused on the concept of gender in translation. Currently, in the era of the development of social relations the problem of adequate translation is much more important than ever in such important field of linguistics as gender terminology. No doubt that the prerequisite for cross-language communication is the equivalence of terms that constitutes the information in a special text.

The possibility to transfer the content of the original texts completely full and accurate in translation of gender texts is limited primarily by differences in language systems, as well as different traditions of concept nomination developed in each of the languages and differences of the phenomena of reality itself.

Consequently, the problem of translation of gender terminology seems very important in the linguistic community. The core of gender terminology is made up of specific terms regularly used all over the world. The importance of the problem is conditioned by the fact that gender has already become an interdisciplinary phenomenon.

Most of the researches done regarding gender in translation have dealt specifically with the issue of the translators' gender identity and its effect on

their translations. First of all, we would like to focus our attention on how gender itself is translated and produced.

A significant part of works, devoted to gender role differentiation in society was written before the emergence of the term and operates with the terms «sex», «sexus», «sexy», even in cases when social aspects of the interaction of the sexes are meant.

Ambiguities also appear depending on the language in which the study is carried, as well as the in the translation of foreign-language texts into Russian and Uzbek languages. For example, in the German language, along with the concept of Gender such concepts as *Geschlecht*, *das soziale Geschlecht* are used. Some confusion arises in the Russian language, especially in translation. Gender is also used as a euphemism for the word *половой* consequently *жинсий* in Uzbek. French *le sexe* and English *sex* may be translated into Russian and Uzbek languages as «секс» (секс) and «пол» (жинс).

The conceptual position of the author in the choice of terminology is also important. Thus, representatives of biodeterminism, insisting on physiologically and mentally differentiation of cognitive differences and language ability of men and women use the traditional designation of *sex*.

Yet, the term «gender» can not be dropped because it proved itself first of all from a conceptual point of view, most clearly demonstrating cultural rather than natural modeling of sex. However, positive and fast acceptance of combinations in Russian and Uzbek languages as *gender identity* (*гендерная идентичность*, *гендер ўхшашилик*), *gender harassment* (*гендерное домогательство*, *жинсий тажовуз*), *gender roles* (*гендерные роли*, *гендер роллар*), *gender discrimination* (*гендерная дискриминация*, *гендер камситиш*), *gender relations* (*гендерные отношения*, *гендер муносабатлар*), *gender inequality* (*гендерное неравенство*, *гендер тенгсизлик*) shows timely response to social processes on the level of term *gender*.

One of the pages of Uzbek newspaper articles says about social and biological differences between women and men in the affair of love, in their differences as a leader, differences in the functioning of their brain, physiological differences and etc. ending with the following phrase: «Here we are introduced with biological and spiritual differences between men and women». In our opinion, the combination of *spiritual differences* implies *gender*, consequently omitting of the term *gender* can be explained by its incomplete penetration into Uzbek discourse.

However, taking into account that the term is considered to be new for Uzbek social sciences, we should expect the scientific controversy in its use.

In one of the Uzbek editions «Ayollar sayidasi» (Women's morals) the following was cited: «The Islamic religion declared the equality between males and females regardless their physical and spiritual creations». It is obvious that the *spiritual creation* implies their *gender*.

Lexicographical analysis of *gender* within the meaning of «social sex» indicates that almost all bilingual dictionaries give the concept of «biological sex» and «grammatical gender».

Sociologists and philosophers consider gender only as a social construct. «Gender is a social construct, creating social institutions as a family, education, mass media, medicine, law, language, art, literature and science» [3]. Consequently, this concept of Gender has found its place in sociological and philosophical dictionaries:

New philosophical dictionary gives the following meaning of gender:

Gender (eng: gram. gender) is a socio-culturally constructed characteristics of femininity and masculinity [4].

The emergence of gender in linguistics is proved by the existence of its definition as «sociocultural sex» in sociological dictionaries. Hence, gender is researched as a social phenomenon from the linguistic point of view.

In the Uzbek linguistics, gender issues of translation in fiction are a little-studied phenomenon.

Grammatical gender may cause translators some difficulties when they translate from source languages in which gender is differently grammaticalized compared with the target language. These difficulties may be particularly intensified when grammatical gender coincides with the sex of the referent; for example when the source language shows no gender distinction in connection with noun-modifications.

We referred to a scene in Wilkie Collins' novel 'The Woman in White', as an example, in which a major character Walter Hartright, a teacher of drawing from Clement's Inn, is leaving his home Portland saying: *My mother and sister had spoken so many last words, and had begged me to wait another five minutes so many times, that it was nearly midnight when the servant locked the garden-gate behind me.*

Russian translation indicates the sex of the *servant* while in original it is unknown:

Матушке и сестре хотелось так много сказать мне на прощание и они столько раз просили меня подождать еще пять минут, что было уже около полуночи, когда наконец служанка закрыла за мной калитку.

Uzbek translation indicates the female sex of the servant as in Russian.

Онам билан синглим қанча насиҳатлари билан бир неча бор сабр қил, деб мени тўхтатаверганидан, ниҳоят хизматкор аёл орқамдан эшикни ёпиб қолганида вақт ярим кечага борган эди.

Consequently, we get the following:

Servant (no gender distinction) – **служанка** (female) – **хизматкор аёл** (female).

According to Collins, there is no reference to the servant and his/her gender throughout the novel, so a translator who wishes to render the above sentence into a language which shows grammatical gender in a way that gender of

the servant must necessarily be determined, will face difficulties as to how to decide about the gender of the ‘servant’.

There may be two reasons why Uzbek and Russian translators use a female version of a servant. According to the hierarchy of servants in big houses male staff in rank was higher than female. Consequently, a poor family of Hartright who earned his living as a drawing master, could not afford to have a man-servant.

But the second reason contradicts to the first, as the author of the original text makes some examples throughout the story with a **house-maid**.

*The largest and fattest of all possible **house-maids** answered it, in a state of cheerful stupidity which would have provoked the patience of a saint.*

We will try to analyze this sentence dealing specifically with the issue of the translators’ gender identity and its effect on their translation.

*Служанка, **самая рослая и толстая** из всех, каких знал свет, отозвалась на мой звонок. Она была в таком бессмысленно **веселом** настроении, что это вывело бы из терпения и святого. **Пухлое, бесформенное** лицо ее растянулось в **широченную улыбку** при виде лежащей на полу раненой собаки.*

*Хонадан дастёр аёлларидан **энг басавлату бақалог**и, назаримда, ҳатто сабр бардошли авлиёнинг ҳам гашини келтиргудек аҳмоқона **иржайиб** келди. Ерда ётган мажруҳ махлуққа кўзи тушидию, **тарвақайлаб** кетган **баркаш** юзи икки томонига чўзилганича **ишшайиб** қолди.*

For men, the stereotype of «fat» does have a negative assessment. The following example makes it possible to guess that Uzbek translator of the novel is a male [1]. A. Iminov translates the «*fattest*» as «*бақалог*» which in comparison with «семиз, тўла» sounds rude. The coarse usage of *иржайиб*, *тарвақайлаб*, *баркаш*, *ишшайиб* also indicate the sex of a male translator.

On the contrary, a perception of Russian version gives us a chance to guess that translator is a female – T. I. Leshenko-Sukhomlina [2].

Translation problems may occur in many other cases, in fact, everywhere where the source language, by means of agreement structures, operates differently from the target language, which is in connection with noun-modifications, pronoun uses, pronominal references, and so forth.

Consequently, as translators translate gender-related materials, they inexorably must face with the ideological load these materials carry with themselves as well as the problem of how to handle them.

As mentioned earlier, the assignment of social gender is based on a stereotypical basis which makes it dependent on socio-historical and contextual factors. As these factors may change from one place, society, culture, context, or time period to another, translators frequently encounter the complicated problem as to how to translate gender which has so huge potential of variability.

Bibliography

1. Иминов А. Оқ кийинган аёл. – Тошкент : Ўзб. Миллий кутубхонаси, 2010. – 649 б.
2. Лещенко-Сухомлина Т. И. Женщина в белом. – М. : ЛитРес, 2011.
3. Лауретис Т. де. Американский Фрейд // Введения в гендерные исследования. – Харьков, 2001. Ч. II. – С. 23–47.
4. Новейший философский словарь: 3-е изд.. – М. : Книжный Дом, 2003. – 1280 с.

«ЖИЗНЬ ПО УСТАВУ»: ЗАМЕТКИ ОБ УСТАВАХ МАРИИНСКИХ ИНСТИТУТОВ

В. В. Пономарева

*Кандидат исторических наук,
Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова,
Г. Москва, Россия*

Summary. This article looks at rules and regulations, which determined everyday life and studies in the closed girls' boarding schools of the Mariinsky establishment. The first of those schools was founded in 1764, and the rules themselves took over a hundred years to form. The changes in the regulations show how the state responded to changes in life through school reforms.

Keywords: Russian empire; gender; women's education; elite girl's boarding schools; enlightenment; statutes.

В период правления Екатерины Великой были созданы важнейшие документы эпохи Просвещения, которые во многом определили будущее русской школы: «Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества» (1764), содержащее идеологическое обоснование целей и задач воспитания и образования, которое надлежало давать юношеству; «Устав воспитания двухсот благородных девиц...» (1764) и «Устав имп. Шляхетного Сухопутного корпуса...» (1766). Не случайно исследователь говорит о том, что в это время была создана «новая для России идеология образования», предполагавшая «в качестве цели не подготовку известного количества известным образом обученных людей, а достижение определенного *качественного состояния* народной массы» [1, с. 55]. Впервые воспитание и образование девочек было декларировано как государственная задача. Показательно, что первым школьным уставом стал устав именно женского учебного заведения – Воспитательного общества благородных девиц (Смольного). В «Уставе» расписывалась вся внутренняя жизнь принципиально нового учебного заведения: управление, обязанности «старших», условия приема, принципы воспитания, учебная программа, распорядок жизни. В духе Просвещения Устав задавал высокие нормы по-

ведения как воспитателей, так и воспитанниц [см., например: 2, Гл. 1. Разд. 2. П. 7, 5]. «Устав» Смольного в основном совпадал с уставом Шляхетного корпуса, отличаясь преимущественно лишь объемом преподаваемых предметов, что отвечало идее Екатерины II о необходимости воспитания «человека и гражданина», независимо от пола.

Жизнь вносила свои коррективы, и писанный Устав отставал от жизни, дополняясь все новыми предписаниями. Так, при императрице Марии Федоровне в женских институтах делается больший упор на воспитание будущих «добрых супругов, хороших матерей и хороших хозяек». Важной задачей институтов стало не только воспитание и образование девушек, но и их социализация, ведь немалое их число были сиротами, полусиротами или дочерьми бедных родителей. В соответствии с гендерным подходом выбор будущей профессии был ограничен: достойной профессией для «благородной девицы» в традиционном обществе считалась работа воспитательницы (гувернантки, классной дамы), и к этому готовили в специальных педагогических классах (пепиньер).

После смерти Екатерины II женские институты основывались регулярно: до 1855 г. их было открыто 27. Каждый из них управлялся в соответствии с собственными уставными документами, во многом заимствовавшими основные положения из Устава Смольного (в документах так и писали: «по примеру Смольного»). В 1812 г. был открыт первый женский институт в провинции – в Харькове, и его устав послужил образцом для других провинциальных институтов. Институты основывались на всем пространстве Российской империи – от Варшавы до Тифлиса и от Иркутска до Одессы, и, помимо инициативы местного начальства, обычаи и климатические особенности заставляли вносить свои поправки. Этот разнородной следовало устранить для более эффективного управления и контроля. В 1844 г. был образован Комитет для пересмотра уставов женских учебных заведений, «чтобы учебная в них часть, особенно в институтах губернских, была более соразмеряема с состоянием учащихся, а сии последние более приготавливались к будущему их назначению» [3, с. 65], таким образом, подтверждался и гендерный, и сословный принципы институтского образования.

В 1855 г. был, наконец, принят «Устав женских учебных заведений Ведомства учреждений императрицы Марии», в основном закреплявший давно существовавшие нормы. Устав оказался устаревшим уже к моменту его принятия. После смерти императора Николая I страна вступала в эпоху Великих реформ, и глубокие перемены коснулись всех сторон социально-экономической жизни страны, в том числе положения женщин. В 1861 г. начался пересмотр Устава женских учебных заведений, основой для чего послужили предложения о необходимых преобразованиях из Советов всех институтов. В 1874 г. было предпринято второе издание Устава женских учебных заведений [3, с. 121]. Позднее вышел «Общий Устав женских ин-

ституты» (1884), дополненный многочисленными циркулярами, постановлениями, которые пересматривали и уточнили устав 1855 г.: изменениям в разной степени подвергся весь строй институтской повседневности, от организации управления до быта. Хотя прежний принцип воспитания (подготовка «добрых супругов и хороших матерей») сохранялся, в институтах велась активная подготовка воспитанниц к будущей трудовой жизни: помимо открывавшихся педагогических классов, здесь читались курсы и преподавались актуальные дисциплины (стенография, бухгалтерия, гигиена т.д.).

Библиографический список

1. Андреев А. Л. Российское образование: социально-исторические контексты. – М. : Издательство «Наука», 2008. Курсив автора.
2. Устав воспитания двух сот благородных девиц учрежденного Ее величеством государыней императрицей Екатериной Второй, Самодержицей Всероссийской, Матерью Отечества и протчая, и протчая, и протчая. – СПб., 1764.
3. Московское училище Ордена св. Екатерины. 1803–1903 гг. Исторический очерк. – М., 1903.

ЛИНГВОСОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КАТЕГОРИЯ ГЕНДЕРА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В. П. Пылайкина

*Кандидат филологических наук, доцент,
Институт иностранных языков,
Уральский государственный
педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия*

Summary. A socio-linguistic category can be distinguished within grammatical category of gender in the Russian language. It includes nouns of feminine and masculine gender denoting people, gender-neutral nouns, nouns with derivational suffixes. Grammatical means of denoting gender are gradually becoming markers of the roles people play in society, and the way the society views them.

Keywords: grammatical means; biological distinctions; socio-linguistic category; negative connotations; the attitude of society.

Отражение социокультурного пола имеет место в современном русском языке в рамках грамматической категории рода. Категория гендера может быть обнаружена преимущественно у одушевленных существительных мужского и женского рода со значением лица. Она включает гендерно-нейтральные производные и сложные существительные мужского рода, обозначающие лиц обоего пола, суффиксальные образования и сложные существительные женского рода, группу обозначений, у которых принадлежность к полу проявляется через лексическое значение.

Морфологический способ является основным средством выражения родовых различий в русском языке. Имеются многочисленные суффиксы мужского и женского рода для создания производных существительных. Анализ суффиксальных наименований показывает, что регулярное морфологическое выражение принадлежности к полу присуще только существительным женского рода. Мужской пол не находит аналогичного формального выражения. В современном русском языке практически все суффиксы мужского рода служат для производства гендерно-нейтральных существительных, которые могут обозначать представителей мужского и женского пола (*врач, библиотекарь, родитель, диктор*).

По мере освоения женщинами новых сфер деятельности растет количество гендерно-нейтральных обозначений мужского рода, называющих представителей обоего пола (*менеджер, аналитик, дизайнер*). Действует механизм номинации лиц женского пола грамматическими формами мужского рода, означающий «незаметность» женщин в языке, второстепенность их статуса по отношению к мужскому.

Ряд суффиксов женского рода (-ша, -иха, -ка) приобрел отрицательные коннотации. Образованные с их помощью существительные имеют стилистически сниженную, просторечную окраску, что накладывает ограничения на их использование в официально-деловом стиле (*филологичка, министерша, медичка*). Нередко такие слова женского рода приобретают пренебрежительные, презрительные характеристики. Обозначение специалиста женского пола с помощью указанных суффиксальных образований ставит под сомнение его квалификацию.

Добавочные лексемы (*женщина-бизнесмен, бизнес-леди*), используемые для создания нейтральных наименований, начинают приобретать негативные коннотации, либо указывают на то, что женщина занимает не свойственную её полу должность, становятся средством создания комического эффекта («*За контакты ООН с инопланетянами будет отвечать женщина-астрофизик*» – заголовок статьи АиФ 27.09.2010).

Существительное 'дама', используемое как самостоятельное слово, так и в составе сложного слова, всё чаще приобретает нежелательные ассоциации («*вина ... Евгении Васильевой по всем 12 эпизодам полностью доказана: хищения на 3 млрд. руб. были. А значит, наказать даму надо строго – 8 лет... условно!*» (Аргументы и факты 29.04.2015); «*Зато теперь есть «Голос»!*» – кричала *корпулентная дама из массовки*» (Аргументы и факты 02.04.2015).

Исследование суффиксальных образований мужского и женского рода выявляет наличие гендерных асимметрий. Использование гендерно-нейтральных слов мужского рода для номинации лиц обоего пола делает излишним существование наименований женского рода. Зачастую семантическая структура существительного мужского рода шире, чем у существительного женского рода. Семантические асимметрии выявляют более низкий статус лиц женского пола (*техник – техничка*).

Изучение одушевленных существительных мужского и женского рода со значением лица, принадлежность к полу у которых закреплена преимущественно в их лексическом значении, позволяет выделить семантические области, типичные для лиц разного пола. Многие наименования фиксируются словарями как вышедшие из употребления. Анализ семантических областей позволяет определить сферы деятельности, закреплённые за лицами разного пола, соблюдение ими морально-нравственных норм общественных отношений и норм поведения, индивидуальные характеристики.

Таким образом, в современном русском языке функция родовых различий в группе одушевленных существительных со значением лица не сводится к обозначению биологического пола людей. Имеются многочисленные проявления социокультурных различий между представителями мужского и женского пола. Родовые различия постепенно превращаются в гендерные [1].

Библиографический список

1. Пылайкина В. П. Категория гендера в английском языке в сопоставлении с русским : дис. канд. филол. наук: 10.02.20 / В.П. Пылайкина; Уральский гос. пед. ун-т. – Екатеринбург [б.и.], 2004. – 187с. – На правах рукоп.

ОСОБЕННОСТИ ЖЕНСКОЙ ПСИХОЛОГИИ В ТЕОРЕТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ

Л. А. Степанян

*Соискатель,
Российско-Армянский (Славянский)
университет,
г. Ереван, Армения*

Summary. This article seeks to examine different theoretical and empirical approaches in the study of women psychology. The analysis of this issue show that psychological characteristics of women are most often studied through the comparison with men's psychology. Psychological characteristics of people are strongly determined by socio-cultural factors, and influenced by the changes in gender stereotypes. This brings new challenges for researchers in the field of gender psychology.

Keywords: psychology of women; gender differences; feminine psychology.

Психологические особенности женщины начали изучать еще в конце XIX века в рамках гендерной психологии. До 1960 х гг. психологи больше уделяли внимание тому, чтобы выявить различия в психологических характеристиках мужчин и женщин. Были предприняты многочисленные исследования, при помощи которых ученые пытались подтвердить идею о противоположности природы мужчины и женщины научными фактами. Каждый новый аргумент переживал пик популярности, после чего его сменял другой.

Большое влияние на представления о женщинах имели взгляды З. Фрейда. В работе «Женственность» Фрейд изобразил женщину завидующей мужской анатомии (имеющей комплекс кастрации). Среди феминных качеств Фрейд отмечал пассивность, зависимость, склонность к мазохизму. Отклонение от этих эталонов считалось проявлением нездоровой идентичности. Эти воззрения Фрейда повлияли на представления о женщине в психологии и культуре в целом.

В 20 х гг. Карен Хорни попыталась опровергнуть постулат Фрейда том что личностные различия между мужчиной и женщиной определяются их анатомией. Хорни утверждала, что на личностное развитие женщины очень сильно влияют социокультурные факторы. Особенно она отмечала такие моменты как мужское доминирование в обществе и дискриминацию

женщин [4, с. 39]. Хорни одной из первых указала на то, что женщину следует изучать исходя из женского начала, так как она обладает присущими лишь ей биологической конституцией и схемами развития. Эти отличия не предполагают ее неполноценности по сравнению с мужчиной.

Во второй половине XX века начинается новая волна экспериментальных исследований гендерных различий. В связи с активизацией феминизма, многие женщины психологи разрабатывают свои концепции, объясняющие психологические особенности женщин. В данной статье мы обратимся к работам некоторых из них.

Мартина Хорнер в ходе исследования проведенного ею с целью определения мотивов успешной деятельности людей, обнаружила, что у женщин наблюдается такой феномен как «боязнь успеха». Этот страх объяснялся страхом перед негативными последствиями, которыми может сопровождаться успех (например, потерей женственности). В результате дальнейших наблюдений этого феномена, была проведена связь между боязнью успеха и желанием не портить отношений с противоположным полом [1, с. 216].

Стремление женщин к общению, взаимности, отзывчивости, так же особо отмечалось в работах Кэрол Гиллиган и Джин Миллер, которые считали это стремление главной движущей силой в жизни женщины. Обращаясь к вопросу об отношении женщин и мужчин к морали принятой в обществе, Гиллиган в статье «Другим Голосом» отмечала, что женщины рассматривают нравственные нормы через призму взаимоотношений с людьми. Определяющими для них оказываются понятия заботы, взаимопонимания и доверия. Мужчины же относятся к нравственным нормам с позиции принятых законов и принципов. Сравнивая эти позиции (например, норму заботы с нормой законности), Гиллиган указывает на большую ценность женских ориентиров [5, с. 305].

В 1974 г. Сандра Бем предложила новую концепцию об андрогинности, которая заняла особое место в гендерной психологии. Надо отметить, что мысль о дополнительности полов (андрогинности) была высказана еще Платоном (427–347 гг. до н. э.). Намного позже идея о том, что один и тот же человек может сочетать в себе как маскулинные, так и фемининные качества была рассмотрена К. Юнгом в его работе «Анима и Анимус». Бем же смогла эмпирически продемонстрировать, что маскулинность и фемининность являются двумя независимыми, но не противоположными друг другу конструктами. Согласно концепции Бем, андрогинная личность (тот у которого наблюдались средние показатели маскулинных и фемининных характеристик) вбирая в себя лучшее из обеих полов, лучше адаптирован к жизни чем человек с характеристиками строго соответствующими своему полу [3, с. 61].

Одной из самых знаменитых работ в психологии половых различий считается масштабное исследование американских психологов Элеонор

Маккоби и Кэрл Жаклин. Они проанализировали и обобщили большое количество американских и западноевропейских исследований о половых особенностях восприятия, обучаемости, интеллекта, мотивации, самосознания, темперамента, эмоциональности, общительности и т. д. В результате, твердо было установлено только четыре психологических отличия между полами: женщины превосходят мужчин в вербальных способностях, но уступают им в визуально пространственных и математических способностях. Так же было установлено, что женщины менее агрессивны, чем мужчины. Эти выводы свидетельствуют о том, что мнение о всепроникающем характере половых различий, преувеличенно [2, с. 52]. Недавние исследования показали, что даже эти указанные отличия не так велики и что они ситуационно специфичны.

В результате многочисленных исследований половых различий, психологи пришли к тому, что эти различия имеют процессуальный характер. Это обусловлено тем что психологические половые различия могут зависеть от таких факторов как возраст, образование, ситуация и т. д.

Рассмотрев вышеупомянутые и многие другие теории и концепции о женской психологии, можно сделать следующие выводы. В большинстве случаев психологию полов исследуют через их сравнение. Тем не менее, в процессе изучения специфичности женской психологии многие женщины психологи обращались к изучению жизненного опыта женщин, который отличаясь от мужского накладывает свой отпечаток на женскую психику. Такой подход к исследованию показал, что психологические особенности имеют сильную социальную обусловленность. В связи с этим, основополагающим моментом при изучении психологических особенностей, как женщин, так и мужчин, стало осознание важности социокультурной интерпретации этих особенностей. Вместе с тем, социокультурная интерпретация меняется вследствие изменений, происходящих в мире. Одной из самых значимых тенденций является ослабление половых различий в поведении, которое происходит вследствие совместного обучения и совместной трудовой деятельности, изменений во взаимоотношениях между мужчинами и женщинами: становления их более равноправными.

Стереотипы маскулинности и фемининности становятся менее жесткими, полярными и как никогда противоречивыми.

В последние десятилетия наблюдается бурное развитие исследований в гендерной психологии. Особый интерес уделяется кросс-культурным исследованиям, а так же исследованиям различий среди самих женщин и внутри категории женского опыта. В целом, можно сказать, что ученые обратились к более тонкому освоению гендерной проблематики, которая продолжает оставаться актуальной сферой исследования.

Библиографический список

1. Бендас Т. В. Гендерная Психология: Учебное пособие. – СПб. : Питер, 2006. – 431 с.
2. Кон И. С. Психология половых различий // Вопросы психологии. – 1981. – № 2. – С. 47–57.
3. Малкина-Пых И. Г. Гендерная терапия. – М. : Эксмо, 2004. – 927 с.
4. Хорни К. Женская психология: пер. с англ. – СПб. : Восточно-Европейский институт психоанализа, 1993. – 222 с.
5. Gilligan C. In a different voice: a women's conceptions of self and of morality // The psychology of women: Ongoing debates. New Haven. – L., 1987. – P. 278–320.

ГЕНДЕРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ КАТЕГОРИЧНОГО РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Л. В. Топка

*Кандидат филологических наук, доцент,
Евразийский лингвистический институт,
Московский государственный
лингвистический университет,
г. Иркутск, Россия*

Summary. The aim of the paper is to study a gender-based categorical verbal behavior in a «make the interlocutor silent» situation or, with other words, «shut up! situation» in which gender stereotypes are displayed. Another issue of the investigation is women's androgynous behavior in the above mentioned situation.

Keywords: gender stereotype; speech behavior; categoricity; categorical statement; behavioral androgyny.

Коммуникативное взаимодействие осложняется разными требованиями, предъявляемыми обществом к мужчине и женщине, а также спецификой их социализации, обуславливающей разные мотивы поведения, а также различные стратегии и тактики общения. В процессе изучения коммуникативного поведения вообще и речевого поведения в частности необходимо учитывать гендер как один из параметров, конструирующих социальную идентичность говорящего субъекта.

Когнитивные процессы стереотипизации активно реализуются на гендерном уровне. Гендерные стереотипы содержат в себе пресуппозиции о различных культурно и социально обусловленных атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов. Стабильность гендерных стереотипов определяется их фиксацией на всех уровнях языка.

Поскольку, говоря словами Е. Д. Поливанова, «...в языковой действительности имеются факты физического, психического и социального порядка» [10, с. 182], гендерная дифференциация речи говорящего субъек-

та также обусловлена совокупностью биологического, психологического и социального факторов.

Данные о гендерной специфике речевого поведения весьма противоречивы, поэтому, по мнению некоторых исследователей, гендерные особенности должны рассматриваться в сочетании со статусом, социальной группой, уровнем образования, ситуативным контекстом и т.д., а также с учетом меняющейся ситуации в обществе [9]. Как правило, участники общения различаются по признакам «свой / чужой» и «выше / ниже» в социальной иерархии (в терминах В. И. Карасика – нисходящий или восходящий статусный вектор [5, с. 84]) и обладают неким набором социализированных параметров общения, включающих как языковые нормы, так и правила социального взаимодействия.

Исследование способов языкового выражения категоричного речевого поведения носителей американского варианта современного английского языка, а также рассмотрение корреляции пола участников коммуникации с их статусно-ролевыми параметрами представляют особый исследовательский интерес.

«Категоричность является тактическим приёмом, который используется коммуникантами для достижения определённой цели воздействия, оказывая влияния на характер их взаимоотношений, создавая напряжённую атмосферу общения, а иногда и острую конфликтную ситуацию. Категоричное речевое поведение характерно для человека уверенного, решительного, а также грубого, и бестактного. Категоричность возникает в коммуникации и реализуется на всех уровнях языковой системы. Средством её текстовой репрезентации служит категоричное высказывание» [14, с. 106].

Категоричное высказывание является одним из коммуникативно-прагматических вариантов и предполагает передачу полной уверенности говорящего в достоверности сообщаемого, прямолинейность высказывания, несдержанность в выражении оценок и может служить языковой формой выражения таких речевых действий, как требование, приказ, угроза, обвинение, наставление и других (см. подробнее: [12]), составляющих поведенческую ситуацию «Заставить собеседника замолчать / Shut up situation».

Данная поведенческая ситуация в современном английском языке может быть выражена такими языковыми единицами как: «bite your tongue», «hush», «stop talking», «be quite», «cut it out», «zip it», а также различными словосочетаниями с глаголом «shut». Носители американского варианта английского языка предпочитают использовать максимально категоричные языковые средства, например, «shut up», «keep your mouth shut», «shut your face», «shut your pie hole» и т.п.

В отличие от представителей британской нации, для которых характерным этноспецифическим феноменом является некатегоричность (см., например [13; 15]), представители американской нации, сформировавшей-

ся в более поздний исторический период и в совершенно иных условиях, реализуют в своём речевом поведении более категоричные речеповеденческие тактики. Особенно явно это прослеживается в потенциально конфликтных ситуациях требования, упрека, обвинения, запрещения или угрозы.

Существует предположение о том, что женское речевое поведение в вышеуказанных ситуациях, в отличие от мужского, будет менее категоричным, поскольку женщинам в целом присущи речевые тактики, направленные на поддержание отношений кооперации с собеседником. Данный гендерный стереотип в американском варианте английского языка нуждается в детальном исследовании.

В современной науке гендер определяется как совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола. Словами А. В. Кирилиной, «термин *гендер* был призван подчеркнуть не природную, а социокультурную причину межполовых различий» [7, с. 8]. Из чего следует, что не биологический пол, а социокультурные нормы определяют, в конечном счете, психологические атрибуты модели поведения, виды деятельности, профессии женщин и мужчин. Быть в обществе мужчиной или женщиной означает не просто обладать теми или иными анатомическими особенностями – это означает выполнять те или иные предписанные нам гендерные роли (см. подробнее: [3]).

Как утверждал Отто Вейнингер, австрийский философ и психолог, «можно также сказать, что в мире опыта нет ни мужчины, ни женщины, а есть только мужественное и женственное» [1, с. 18]. Что в полной мере может быть отнесено и к речевому поведению.

Гендерные стереотипы, касающиеся речевого поведения мужчин и женщин, существующие в сознании людей, строго регламентируют речевую деятельность индивидуума в соответствии с его гендерной принадлежностью. В обществе есть определенные ожидания к различным характеристикам речи говорящего в зависимости от его пола и социального статуса [6]. Степень влияния гендерных стереотипов на речевое поведение участников коммуникации достаточно высока, поскольку они (стереотипы) в определенной степени являются поведенческой программой, которая либо выполняется, либо не выполняется, вызывая соответствующую оценку социума, где соответствие стереотипу либо одобряется, либо принимается как норма, а несоответствие осуждается.

В своей работе «Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований» Т. Б. Рябова определяет гендерные стереотипы как «социально конструируемые категории «маскулинность» и «фемининность», которые подтверждаются различным в зависимости от пола поведением, различным распределением мужчин и женщин внутри социальных ролей и статусов, и которые поддерживаются психологическими потреб-

ностями человека вести себя в социально одобряемой манере и ощущать свою целостность и непротиворечивость» [11].

По мнению некоторых ученых гендерные стереотипы допускают дальнейшее распределение на группы, например на стереотипы маскулинности/фемининности, связанные с психологическими качествами личности, где мужчинам и женщинам приписываются и навязываются разные типы темпераментов, а также стилей речевого и неречевого поведения. Скажем, типично женскими качествами считаются нерешительность, отсутствие логического мышления, повышенная эмоциональность, а мужскими – логика и сдержанность (см. подробнее: [8]).

Гендерные стереотипы, выявляющие закрепление семейных и профессиональных ролей в соответствии с биологическим полом, также составляют самостоятельную группу, где мужчин принято оценивать по успехам в профессиональной деятельности, а женщин – по наличию семьи и детей.

Существует группа гендерных стереотипов, связанная с различиями в содержании труда, характере выполняемой работы, где женская сфера – экспрессивная, а мужская – инструментальная. Стремление к лидерству, ответственность, объективность, сила, ум являются типично «мужскими» характеристиками, обычно соотносимыми с позициями власти и управления; «женские» характеристики – это, как правило, зависимость, слабость, вера в превосходство мужского пола, пристрастность.

Стереотипный образ мужчины, по мнению Т. Б. Рябовой, включает в себя различные качества, коррелирующие с деятельностью и активностью, в том числе, стремление к достижению цели, самоконтроль, уверенность в своих силах, неконформизм; образу женщины, напротив, приписываются нерешительность, осторожность, забота о соблюдении норм, конформизм.

Рассматривая качества, характеризующие когнитивную сферу индивида, исследователь утверждает, что логичность, рациональность, склонность к размышлению, более быстрый ум, объективность, критицизм относятся к мужским; а меньшая способность рассуждать, иррациональность, нелогичность, некритичность восприятия и даже глупость – к женским. Среди единственно социально-одобряемых атрибутов женщины в когнитивной сфере выделяется интуиция, нередко противопоставляемая ограниченности мужского разума (см. подробнее: [11]).

Сфера эмоций также пронизана стереотипами, имеющими как позитивную, так и негативную оценки. Маскулинность характеризуется способностью отделять рациональные доводы от эмоциональных, хладнокровием, а фемининность – чувствительностью, нестабильностью эмоционального состояния и ранимостью.

В процессе межличностного взаимодействия традиционно позитивными считаются такие «женские» качества, как тактичность, чувствительность к эмоциям другого, склонность к проявлению чувств, а негативными,

например, непостоянство, болтливость, ворчливость. Положительным мужским стереотипным качеством считается прямота, отрицательными – коррелирующие с ней бестактность, грубость, резкость; наряду с самообладанием и надежностью – эгоизм, бесчувственность и жестокость; наряду со справедливостью – отсутствие милосердия и жалости (см., подробнее: [11]).

Стереотипы речевого поведения представляют собой определенные оценочные образы речевого поведения мужчин и женщин, функционирующие в языковом сознании социума, социальных групп или отдельно взятых индивидов, являясь социальными моделями речевого поведения, они детерминируют речевое поведение человека в определенных ситуациях (см. подробнее: [2]).

Мужское речевое поведение отличается высокой эгоцентричностью и традиционно считается более категоричным, поскольку включает тактики прямого воздействия на коммуникативного партнёра. Женское речевое поведение считается некатегоричным, поскольку включает тактики непрямого воздействия на собеседника и характеризуется выраженной адресностью.

Следует отметить, что вышеперечисленные гендерные стереотипы характерны для патриархальных и постпатриархальных культур, где отражается и сохраняется главенствующая роль мужчины в обществе. На взгляд представителей феминистской лингвистики присутствует языковой механизм «включенности» в грамматический мужской род: язык предпочитает мужские формы, если имеются в виду лица обоего пола. Данный механизм способствует игнорированию женщин в картине мира, а все языки, функционирующие в вышеназванных типах культур, суть мужские языки, которые строятся на основе мужской картины мира [7, с. 17].

Речевое поведение мужчин и женщин в патриархальной культуре строго регламентировано и обусловлено социальным статусом участников коммуникации, что является первоочередным фактором в объяснении причин возникновения новых тенденций в реализации речевого поведения мужчин и женщин в контексте американского варианта английского языка.

Анализ статусно-ролевых отношений коммуникантов в поведенческой ситуации «Заставить собеседника замолчать / Shut up situation» показал, что наиболее частотными в данной ситуации являются отношения координации, реже встречаются отношения субординации при нисходящем векторе, и почти не встречается коммуникативное взаимодействие при восходящем статусном векторе.

Мужчинам в данной ситуации свойственна апелляция к чувству мужской солидарности, использование в адрес женщин-инвективов, описывающих их внешний вид, а также повышенная категоричность высказывания в большинстве потенциально конфликтных ситуаций. Им также свойственно безапелляционное выражение своего мнения, более широкий диапазон средств языковой репрезентации категории категоричности при выражении речевой агрессии.

Женщинам, напротив, свойственно употребление в адрес мужчин-инвективов, описывающих их умственные способности, использование косвенной критики и иронии, а также большая эмоциональность при коммуникации. Однако при условии нахождения на позиции власти весьма часто обращение к речевым тактикам, характерным для мужского поведения. Данное речевое поведение нельзя считать чисто женским или, напротив, мужским, а, скорее, андрогинным, что свидетельствует о стратегии ассимиляции в терминах социального психолога Генри Тайфеля [18].

Женщины применяют данную стратегию как попытку достичь равенства и перенять ценности большинства или группы с более высоким статусом (в данном случае – мужчин), употребляя табуированную лексику, используя напористую, самоуверенную манеру общения, что ведет, на наш взгляд к переоценке женщиной себя самой с точки зрения мужских ценностей и, следовательно, обесцениванию себя как женщины.

Феномен так называемой психологической андрогинии [16] характеризуется, в том числе и проявлением вербальной агрессии (крик, брань, оскорбления), что традиционно считалось частью структуры «мужской» коммуникации. Данная тенденция заставляет пересмотреть традиционную бинарную оппозицию «маскулинность» – «фемининность» как не являющуюся достаточной для выражения всего спектра психосоциальных ролей, представленных в современной действительности, а феномен андрогинности в качестве полноправного члена оппозиции, расширяя её до тернарной. Андрогинность, на наш взгляд, не просто сочетание в одном индивидууме социально-психических качеств, характерных как для женщины, так и для мужчины, сближающее женский и мужской стандарты речевого и неречевого поведения, но также и характеристика самого поведения, не обладающего четкими гендерными параметрами. Что соответствует выделенной антропологом Николь Мэтью парадигме «гетерогенности» (heterogeneity) [17], где пол и гендер в сущности различны, а половая разновидность приобретает важность, когда по разным соображениям (политическим, экономическим, общественным) она становится основой для классификации людей и их распределения в определенной иерархии. Как заметила Дебора Камерон «доминирование мужчин и подчинение женщин могут выражаться удивительно разными способами, но в той или иной норме они пронизывают культуры и время» [4, с. 560].

Андрогинное поведение женщин дает им преимущество при выборе поведения для овладения большим спектром исполняемых ими социальных ролей в современном обществе вообще и в американском обществе в частности.

Библиографический список

1. Вейнингер О. Пол и характер. – М. : ТЕРРА, 1992. – 480 с.

2. Гаранович М. В. Вариативность гендерных стереотипов в зависимости от социальных параметров говорящих : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пермь, 2011. – 24 с.
3. Грицанов А. А. Новейший философский словарь. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/309/ГЕНДЕР (дата обращения: 08.01.2015).
4. Камерон Д. Теоретические дискуссии в феминистической лингвистике // Гендер и язык / Московский гос. лингвистический ун-т, Лаборатория гендерных исследований; под ред. проф. А.В. Кирилиной. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – С. 539–562.
5. Карасик В. И. Язык социального статуса. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2002. – 333 с.
6. Кирилина А. В. Гендер : лингвистические аспекты. – М. : Изд-во «Институт социологии РАН», 1999. – 155 с.
7. Кирилина А. В. Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах // Гендер и язык / Московский гос. лингвистический ун-т, Лаборатория гендерных исследований. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – С. 7–30.
8. Клецина И. С. Гендерная психология. – СПб. : Питер, 2009. – 496 с.
9. Надобко Ю. В. К вопросу о проявлении гендерности в мужском и женском речевом поведении // *Lingua Mobilis*. – 2010. – № 21. – С. 65–70.
10. Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. – М. : Наука, 1968. – 376 с.
11. Рябова Т. Б. Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований URL: <http://cens.ivanovo.ac.ru/publications/riabova-stereotipy.htm> (дата обращения: 10.02.2015).
12. Топка Л. В. Языковые средства выражения категоричности: сопоставительный анализ // *Современные лингвистические теории: проблемы слова, предложения, текста: сборник научных трудов*. – Иркутск : ИГЛУ, 2010. – С. 223–230
13. Топка Л. В. Некатегоричность : опыт прагма-семантического исследования. LAP Lambert Academic Publishing, Deutschland, 2012. – 164 с.
14. Топка Л. В. Категоричное речевое поведение: Универсальные и этноспецифические средства репрезентации // *Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях*. – Прага : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2013. – С. 106–112.
15. Ball W.J. Understatement and Overstatement in English. // *English Language Teaching*. – 1970. – Vol. 24, № 3. – P. 201–208.
16. Bem S. Sex Role Adaptability: One Consequence of Psychological Androgyny // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1975. – № 42. – P. 155–162.
17. Mathieu N. Sexual, Sexed, and Sex-Class Identities: Three Ways of Conceptualizing the Relationship between Sex and Gender // *Sex in Question: French Materialist Feminism*. Ed. by Leonard D. and Adkins L. – London : Taylor and Francis e-Library. – 2005. – P. 43–72.
18. Tajfel H. Social identity and intergroup behavior. *Social Science Information/Information sur les Sciences Sociales*. – 1974, № 13 (2), – P. 65–93.

II. GENDER RELATIONS IN MODERN SOCIETY

ИССЛЕДОВАНИЕ ГЕНДЕРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЖЕНЩИН В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ

А. С. Берберян

*Доктор психологических наук,
профессор,*

А. А. Арутюнян

*соискатель,
Российско-Армянский (Славянский)
университет,
г. Ереван, Армения*

Summary. This article observes the connection between the degree of the correlation in the structure of the personality of the masculine-feminine and androgen qualities and self-realization of woman in the professional sphere.

Keywords: self-realization; profession; woman; gender.

В современном мире, параллельно с трансформациями в социально-экономической области, в сфере технологических мощностей, изменяется и человек, его отношение к окружающей действительности и к самому себе. И в жизненном пространстве личности в качестве цели выступает самореализация.

Самореализация личности возможна только тогда, когда существует согласованность между субъективными и объективными факторами [2]. Особое место в этой среде занимают такие гендерные характеристики личности, как маскулинность и фемининность. В зависимости от их выраженности в личности происходит влияние на жизнедеятельность человека.

Термин «гендер» в 1968 году предложил профессор Калифорнийского университета Роберт Столлер [3]. И если понятие «пол» описывает биологические различия между мужчиной и женщиной, определяемые генетическими особенностями строения клеток, то термин «гендер» описывает социально-психологические различия между мужчиной и женщиной. По мнению Э. Оукли, понятие «пол» (sex) соотнесено с биологическими, физическими различиями между мужчиной и женщиной, а гендер «gender», как предмет культуры, соотнесен с социальной классификацией на «маскулинное» и «фемининное» [8].

Маскулинность и фемининность вначале рассматривались как взаимоисключающие друг друга, дихотомичные понятия (З. Фрейд, Ж. Пиаже, А.Адлер и другие). Но сегодня многие современные исследователи

(С. Бем, С. Берн, Е. П. Ильин) настаивают на том, что маскулинность и фемининность – согласованные, взаимно дополняющие понятия.

В настоящее время исследователи выделяют 3 типа психологического пола личности или 3 типа гендерных ролей: маскулинный, фемининный, андрогинный.

Значительный вклад в развитие психологии пола внесли С. Бем, И. С. Кон, А. Анастаси, В. А. Геодакян и др.

Особое место в изучении гендера занимает теория психоанализа З. Фрейда. «Анатомия – это судьба», – утверждал он, и маскулинность, и фемининность – это результат нормального полового созревания [3]. По мнению советского исследователя В.А. Геодакяна, маскулинность направлена на создание нестабильности и атипичности, а вот фемининность состоит в стабилизации и закреплении [5].

В психологии преобладает точка зрения о том, что в человеке есть и женские, и мужские элементы. В действительности не существует идеальных мужчин и женщин. В обоих случаях присутствуют фемининные и маскулинные качества. Анализируя различия полов, О. Вейнгер подчеркивает, что разделение между маскулинностью и фемининностью никогда не бывает совершенно завершенным [4, с. 60–74].

По мнению Е. П. Ильина, «...все особенности мужского пола можно найти у женского пола. Все половые признаки женщины имеются и у мужчины, только в зачаточном, рудиментарном виде...» [6, с. 544].

Психоаналитик К. Г. Юнг видел в идее единства двух противоположностей – мужского и женского, архетипический образ. Согласно его теории, в мужском бессознательном (анима) есть женское начало, а в женском (анимус) – мужское, т. е. психологическую бисексуальность он относил к самому значимому архетипу [8, с. 219]. В. П. Багрунов писал, что органическое развитие, само по себе, еще не делает человека мужчиной или женщиной в личностном и социально-психологическом смысле [1, с. 249].

Оригинальную теорию предложила С. Бем. Она выступала против того, что мужчины и женщины в жизни должны иметь традиционно установленные соответствующие полу характеристики. Автор также писал, что существуют три типа людей с различной гендерной идентичностью: с преобладанием фемининных характеристик, с преобладанием маскулинных характеристик и андрогенный, то есть тех, у кого наблюдается баланс маскулинных и фемининных характеристик [3].

Целью нашей статьи является установление связи между степенью соотношения в структуре личности маскулинно-фемининных качеств и самореализации женщин в профессиональной сфере.

Нами выдвинута гипотеза о том, что женщины с андрогинным типом личности более продуктивнее самореализуются в профессиональной сфере.

Для решения поставленной цели и проверки гипотезы были применены следующие методики: методика «Психологический пол» С. Бем (для

определения психологического пола индивида и степени маскулинности, андрогинности и фемининности личности), самоактуализационный тест САТЭ. Шострома (для диагностики уровня самоактуализации личности). В эмпирическом исследовании приняли участие 60 работающих женщин в возрасте 40–50 лет и 55 безработных женщин в возрасте 40–50 лет.

Исследование работающих женщин с помощью теста САТ выявило следующие результаты (рис. 1):

1. Параметры: ценностные ориентации, гибкость поведения, спонтанность, самопринятие, представление о природе, контактность, синергия – по баллам соответствуют диапазону самоактуализации.

2. Параметры, обозначающие ориентацию во времени, самоуважение, креативность, агрессивность, по баллам соответствуют статистической норме.

3. Параметры, обозначающие познавательные потребности, по баллам соответствуют нижнему уровню статистической нормы.

Кардинально другая картина наблюдается у неработающих женщин:

1. Параметры: гибкость поведения, контактность, агрессивность по баллам соответствуют диапазону самоактуализации.

2. Параметры, обозначающие ориентацию во времени, самопринятие, спонтанность, по баллам соответствуют статистической норме.

3. Параметры, обозначающие познавательные потребности, креативность, самоуважение, по баллам соответствуют нижнему уровню статистической нормы.

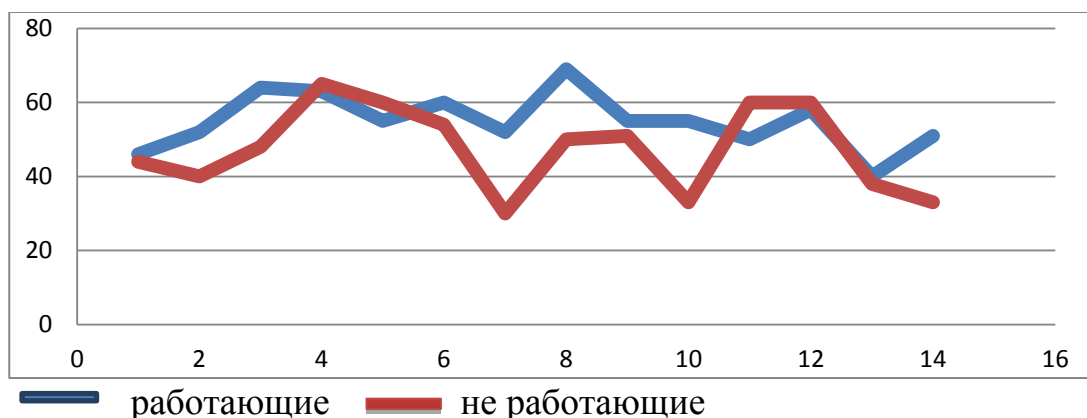

Рис 1. Результаты исследования работающих женщин с помощью теста САТ

Обобщая полученные результаты, можно предположить, что работающие в профессиональной сфере женщины более интеллектуальны, общительны, уверены в своих силах, имеют высокую мотивацию для личностной самореализации и самореализации в профессиональной сфере. А у неработающих женщин наблюдаются барьеры в общении, неуве-

ренность, низкая самооценка, затруднения в самореализации. Таким образом, можно утверждать, что у работающих женщин наблюдается высокая степень самореализации.

Анализируя полученные результаты методики С. Бем, у работающих женщин на более высоком уровне находится андрогинность (рис. 2). Женщины андрогинного типа способны жить полной жизнью, у них наблюдается гибкость в общении, независимость, ответственность и уверенность в себе, стремление к самореализации. У безработных женщин на высоком уровне находится фемининность (рис.3). Для них типичен высокий уровень сверхконтроля, низкий уровень самопринятия, отрицание самого себя, низкий уровень стремления к самореализации.

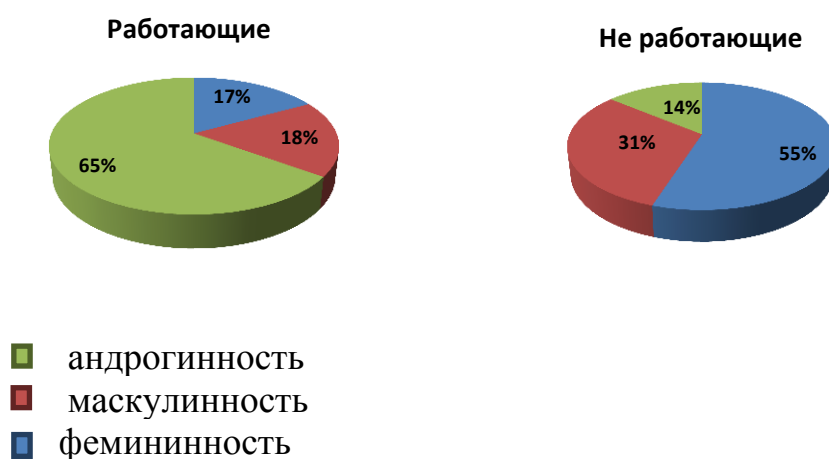

Рис 2. Результаты исследования работающих женщин с помощью методики С. Бем

По результатам проведенного исследования можем констатировать, что выдвинутая нами гипотеза подтверждена: женщины с андрогинным типом личности более продуктивнее самореализуются в профессиональной сфере.

Библиографический список

1. Багрунов В. П., Тюрин Т. Т. Половые различия в психике человека // Наука и техника. – Рига. – 1980. – № 10.
2. Берберян А. С. Значение этнопсихологического и гендерного факторов для формирования культуры межнационального взаимодействия студентов в условиях интеграции в мировую систему образования. Теория и практика гендерных исследований в мировой науке. Материалы международной научно-практической конференции. – Пенза-Ереван-Прага, 2010. – С. 122–137.
3. Берн Ш. Гендерная психология. – СПб., 2004
4. Вейнингер О. Пол и характер. – 2004.
5. Геодакян В. А. Эволюционная теория пола // Журнал «Природа», 1991. URL: <http://vikent.ru/enc/882/>
6. Ильин. Е. П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. – СПб. : Питер, 2006.

7. Юнг. К. Аналитическая психология. – СПб., 1994.
8. Helgeson V. S. Relation of agency and communion to well-being: Evidence and potential explanation // Psychological Bulletin. – 1994. – V. 116. – P. 412–428.

ЭМАНСИПАЦИЯ ЖЕНЩИН КАК ФАКТОР ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ

А. Ю. Богданова

*Студентка,
Иркутский государственный
университет,
г. Иркутск, Россия*

Summary. In today's society is growing opposition to feminist and antifeminist. The emancipation of women can become dangerous phenomenon for men. Women's struggle for their rights forms new gender roles.

Keywords: feminism and antifeminism; emancipation; gender roles.

Мы вступаем на качественно новую ступень развития общества. Меняется все: нормы, ценности, идеалы, взаимоотношения между мужчиной и женщиной. Все чаще мы слышим такие категории как «феминизм» и «эмансипация». В современном обществе мы можем увидеть различное распределение гендерных ролей в семьях, когда мужчина имеет полонценное право уйти в декретный отпуск по уходу за ребенком и заниматься домашним хозяйством, а женщина может спокойно и без осуждения в это время заниматься рабочим процессом. Одни воспринимают подобные ситуации как нормальное явление, другие считают, что такое распределение гендерных ролей является ущемлением прав мужчин. Действительно ли устранение дискриминации женщины и уравнивание ее прав с правами мужчины является угнетением мужской гендерной роли или нет – вопрос неоднозначный. Но нельзя оспорить один факт: какой бы формат гендерных отношений социум не выбрал на данный момент, женщины и мужчины различны по ряду существенных параметров, они изначально не были созданы равными и одинаковыми.

Во времена, когда женщина покорно выполняла роль хранительницы очага, о понятии ее свободы не велось никаких обсуждений. Ролевые установки были четко разграничены между представителями обеих полов. Однако уже в 17 веке начинают появляться сторонники женской свободы и равноправия, такие как, Пулен де ля Барр. Он в числе первых заявил, что неравное гендерное положение в обществе есть результат подчинения женщины грубой силе мужчины [1]. Пулена де ля Барра можно отнести к числу первых феминистов. Это скорее исключение, ведь большинство дру-

гих мужчин были «антифеминистами» и ценили женщину как «женственный ресурс», удел которого сводился к заботе о комфорте в доме.

Начало эмансипации женщин это и борьба за достижение юридического равноправия полов в первой половине 19 века, и появление феминистских организаций до начала I Мировой Войны, и критический анализ патриархальной культуры после окончания II Мировой Войны. Действительно, угрозы глобальных войн в значительной мере увеличили активизацию борьбы женщин за свои права. Война могла послужить фактором смены гендерных ролей и формированию новых гендерных отношений в силу того, что в годы войн и революций уходило на фронт и погибало значительное количество мужчин. Данное явление означало, что их ниши в социуме должны были заполнить женщины. Это дало женщинам возможность выйти из привычных социальных рамок, в которые многие женщины в последствии возвращаться не захотели. Женщины заставили весь мир пересмотреть социальные роли и социальные отношения между полами, и эту возможность явно или латентно своими действиями дали им мужчины.

В современном обществе мы видим явное противостояние «феминистов» и «антифеминистов». Как и любое общественное движение феминизм не избежал радикализации: женщины как эксплуатируемый и ущемленный в правах класс подвержены мужской монополии в науке, культуре и в повседневной жизни. Мужчины действительно держат под контролем практически все сферы жизни общества, и примером может служить явление под названием «стеклянный потолок». При продвижении по карьерной лестнице, женщине приходится преодолевать социальные барьеры, искусственно созданные для нее [2]. Таким образом, можно предположить, что мужчины, чувствуя опасность феминистического движения, действительно предпринимают действия по ограничению свободы действий женщин. Причем, эти действия предпринимаются во избежание дискриминации своей гендерной ролевой позиции.

Мы живем в мире двух полов, и раздельное существование невозможно. Тенденция конфронтации также не оправдана, хоть и обусловлена влиянием культуры. Можно сказать, что феминистическое движение не получило бы широкого распространения, если бы не было ослабления мужской гендерной роли. Мужчинами предпринимаются попытки по ограничению действий женщин, но влияние «волны эмансипации» уже достигло необратимых масштабов. Можно предположить, что феминизм действительно может перерасти в движение, ущемляющее права мужчин. На данный момент, напряженной границей между феминизмом и антифеминизмом служит понятие «равноправия». В какую сторону качнется маятник, зависит от действий обоих полов.

Библиографический список

1. Бовуар С. де. Второй пол. – М. : Прогресс; СПб. : Алетейя, 1997. – С. 10.
2. Шенар А. Куда идет феминистское движение? // Сегодня. – 1996. – 26 апреля. – С. 6.

УРОК ДРУЖБЫ КАК ИНТЕРАКТИВНАЯ ФОРМА ПРОВЕДЕНИЯ ВНЕАУДИТОРНОГО ЗАНЯТИЯ

В. В. Дегтяренко

*Преподаватель,
Волгоградский государственный
медицинский университет,
г. Волгоград, Россия*

Summary. This article describes the event as an interactive form of extracurricular activity among Russian and foreign medical students at the Department of Russian language and socio-cultural adaptation in Volgograd state medical University. The author notes that the ongoing Lessons of Friendship increase creative activity of international students, helping them to communicate with representatives of another culture.

Keywords: communication; interactive form of classes; extracurricular activities; Lesson of Friendship.

Процесс обучения иностранных студентов в Волгоградском государственном медицинском университете неразрывно связан с воспитательной работой на кафедральном уровне во внеаудиторное время, которая и помогает иностранным студентам адаптироваться к условиям проживания и обучения в России.

В данной статье мы рассматриваем Урок Дружбы как одну из форм проведения внеаудиторного мероприятия в медицинском вузе среди иностранных и российских студентов. Уроки Дружбы проводятся совместно с кафедрой культурологии и истории в течение многих лет в медицинском вузе. Уроки Дружбы – это подготовленные мероприятия социокультурного характера, которые предполагают организованное место встречи российских и зарубежных студентов, знакомство и толерантное общение. На данном занятии мы наглядно можем понаблюдать, как строятся гендерные отношения в современном обществе между молодыми людьми и девушками.

При реализации проекта «Уроки Дружбы» преподаватели кафедры русского языка и социально-культурной адаптации ставят перед собой задачи: объединение интернационального коллектива, формирование социокультурной компетенции иностранных студентов, развитие речевых навыков и умений, способности самостоятельно мыслить, анализировать ситуацию, задавать вопросы на русском языке.

Урок Дружбы – это определенная ситуация, в которой педагог выступает в роли помощника или консультанта. Русский язык для иностранных студентов является не только языком их будущей специальности, но и необходимым средством повседневного общения в социуме. Сложность заключается в том, что во многих странах, откуда прибывают студенты-иностранцы, не существует системы внеаудиторной воспитательной работы с ребятами, делается акцент на учебную работу.

Из опыта работы кафедры русского языка и социально-культурной адаптации, кафедры культурологии и истории стало известно, что использование интерактивных форм в процессе обучения и воспитания предусматривает моделирование ситуаций в жизни, например, в ролевых играх открывается поиск совместного решения. Внедряются интерактивные формы обучения, способствующие патриотическому воспитанию молодежи, как важное направление совершенствования профессиональной подготовки иностранных и российских студентов в медицинском вузе. Для проведения воспитательных мероприятий могут использоваться следующие интерактивные формы: тренинг, интерактивная экскурсия, кейс-технологии, видеоконференция, круглый стол, мозговой штурм, фокус-группа, ролевая и деловая игра.

Ведущим методическим принципом при обучении русскому языку выступает принцип коммуникативной направленности, при котором учитываются педагогические технологии, ситуации и условия общения в значимых для иностранных студентов сферах коммуникации (общественно-политической, научной, социально-культурной, бытовой).

Воспитательное мероприятие «Урок Дружбы» можно назвать интерактивным, так как каждый его этап планируется педагогами, организуется и реализуется на практике, отслеживается положительная динамика проведения занятия, делаются выводы. Схематично план интерактивного мероприятия выглядит следующим образом: приветствие друг друга, знакомство, подготовка презентации или слайд-шоу о своей стране и языке, концертная программа, состоящая из 2–4 номеров, круглый стол, прощание и фотосессия. Круглый стол предполагает обмен студенческими мнениями о традициях, культуре, особенностях языка, взаимоотношениях в семье, истории, политике, будущей профессии. Завершается занятие оценкой деятельности каждой группы, которая называется рефлексией. Ребята делятся впечатлениями: в работе принимают участие студенты и преподаватели. Студентам необходимы как поддержка, так и одобрение преподавателей.

Как утверждают С. И. Краюшкин и Л. М. Медведева, «внеаудиторное общение должно реализовываться на основе обновленных методов воспитательной работы, способствовать формированию цивилизованных отношений между отдельными членами общества и между народами» [1, с. 321]. На наш взгляд, такими обновленными методами воспитательной

работы можно считать интерактивные внеаудиторные занятия среди российских и иностранных студентов, которые называются Уроками Дружбы.

Наличие обратной связи говорит об успехе мероприятия, в котором актуальным является обоснование и определение конкретных целей, задач и содержания гендерного воспитания на разных возрастных этапах. В настоящее время гендерное воспитание предполагает соответствие определенной гендерной роли человека в обществе. Цель – подготовка к выполнению социальной роли мужчины и женщины в обществе, семье.

Как показывает практика, ход и результат проводимого интерактивного занятия приобретает личную значимость, опыт для каждого иностранного студента; позволяет видеть ситуацию с разных сторон и развивать способы самостоятельного участия.

Стало очевидным, что зарубежные студенты, руководимые естественным интересом, вступают в коммуникацию по собственному желанию. Это повышает творческую активность иностранных учащихся, вселяет в них уверенность. Опыт кафедры показывает, что организация проекта «Уроки Дружбы» по принципу интерактивных занятий позволяет познакомиться иностранных студентов с широким кругом социокультурных ценностей, помогает уважать культуру каждого народа.

Библиографический список

1. Медведева Л. М., Краюшкин С. И. Патриотизм и толерантность – приоритетные направления воспитательного процесса молодежи // Гуманитарное образование и медицина : сборник научных трудов, Волгоград : Волгоградский государственный медицинский университет, 2003. – С. 318–321.
2. Петров В. И, Мандриков В. Б., Ледяев М. Я., Стаценко М. Е. и др. Программа инновационного развития Волгоградского государственного медицинского университета на 2013–2017 г. / под редакцией В. И. Петрова. – Волгоград, 2012.

SOME ASPECTS OF ADULTERY OF THE URBAN POPULATION IN UDMURT REPUBLIC

A. V. Goldberg-Altyntsev
A. S. Dedyukhin

*M. Sc. in ecology and nature management,
postgraduate student,
engineer for communications network,
construction company «Svod»,
student, Udmurt State University,
Izhevsk, Russia*

K. D. Smirnov

Summary. The background of the studying is a research of sexual infidelity as a separate component of society. We interviewed 108 urban families, which were directly involved in this social phenomenon. As a result of the scientific investigation was revealed 4 type of adultery: male infidelity (43.5 %), female infidelity (37.0 %), infidelity of both partners (16.7 %) and pseudoinfidelity (2.8 %). Also the main motives of unfaithfulness for each sex were shown. Also the main motives of unfaithfulness for each sex were shown. It was concluded that the most vulnerable to a sexual infidelity are young nuclear families, often as a result of the acute stage of unresolved family issues.

Keywords: adultery; sexual infidelity; marital infidelity; types of adultery; families.

Heretofore studying of sexual infidelity in Russia as structure within the social, cultural, gender, ethnic and population models was carried [1, p. 290–296], [2, p. 20–38], [3, p. 69–89.], [4, p. 52–71], [5, p. 132–144], [6, p. 82–90], [7, p. 57–68], [8, p.148–154]. In original research (2012–2014) some aspects of marital infidelity as a separate component of society were studied. 108 families in the cities Mozhga, Izhevsk, Sarapul, Glazov (the Russia, the Udmurt Republic), that were directly involved in this social phenomenon, were interviewed to examine conjugal infidelity.

The search of families and their interviewing were realized according to the proven method [9, p. 12], [10, p. 10–11].

It was established 4 type of adultery: 1) male infidelity (43.5 %); 2) female infidelity (37.0 %); 3) infidelity of both partners (16.7 %) is type of marital infidelity, when both man and woman had sexual contact with extramarital partners; 4) pseudoinfidelity (2.8 %) is type of conjugal infidelity, when there is no real adultery but it is leads to an acute, often irreversible, crisis of family relations. The third type, includes two subtypes: a) asynchronous adultery (13.9 %) – infidelity of partners took place (alternate infidelity – 9.3 %) or began (parallel infidelity – 4.6 %) at different time; b) synchronous adultery (2.8 %) – independently of each other partners involved in extramarital sexual relations nearly at the same time. The 4th type can also be divided into two subtypes: a) imaginary infidelity (1.9 %), when one partner wants to break off relations, believing (thereby erring) that his legitimate partner has committed adul-

tery; b) simulated infidelity (0.9 %), when one partner wants to break off relations and tries to make the appearance of unfaithfulness.

In addition, women's actual adultery always leads to disintegration of nuclear type of families (55.2 % of all households). Altogether in 72.4 % of cases of actual adultery, full family disintegration was registered.

Men's primary motive of infidelity is called «a one-night stand» (47.7 %), women's motivated adultery is a way to find «new love» (32.8 %). An important fact for the strength of marriage and family is the sexual compatibility of partners. This feature is well illustrated by the high rates of items «sexual dissatisfaction of his partner» (♀ – 25.9 %; ♂ – 33.8 %) and «desire to diversify sex life/feel piquancy of polygamous relationships» (♀ – 15.5 %; ♂ – 13.8 %) for both sexes. Interestingly, in fourth place in the ranking of motivation of adultery among women is revenge (12.1 %).

It is interesting that it was found the regularity between men's material well-being and number of parallel sexual relations: the higher material revenue of a man, the more for his extramarital partners ($r_s > p$; $r_s = 0.617$; $p = 0.25$; $n=63$). For women, this correlation was not found ($r_s < p$; $r_s = 0.115$; $p = 0.27$; $n=57$). This feature is probably connected with social-biological qualities of male sex.

We want to note that conflicts, related with marital infidelity, often appear in young families. The most of adulteries started in 1-4th year of the registered marriage. This fact shows instability of a young nuclear family and difficulty/inefficiency to resolve intrafamilial problems.

We note that distribution on the national basis showed that there are 60 % monoethnic and 40 % interethnic families. Perhaps difference in ethnic mentality of partners in any way affects the psychological and/or physiological need of one spouse committed adultery. When determining the impact of the level of education and religious affiliation of people to commit adultery no regularity have been identified.

It was revealed that in the process of dissolution of the conjugal relationships the declining of live quality and health conditions occurred, and all family members were affected by it.

Thus, marital infidelity is a complex social phenomenon, which is often a consequence of the acute stage of the neglect of intrafamilial problems, when fear or unwillingness of one or both partners to overcome the crisis in the family leads to new forms of social reality.

Bibliography

1. Akhmadeeva E. V., Galyautdinova S. I. Understanding of Adultery in Families Belonging of Different Ethnic Group // *Liberal Art in Russia*. – 2014. Vol. 3. – No 4. – P. 290–296.
2. Golod Sergey. The Family: Procreation, Hedonism, Homosexuality // *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. – 2012. – Vol. XV. – No 2. – P. 20–38.

3. Golod Sergey. Transformation of Erotic and Emotional Relations of Youth in the XXth Century // The Journal of Sociology and Social Anthropology. – 2010. Vol. XIII. – No 1. – P. 69–89.
4. Golod Sergey. Transformation of Erotic and Emotional Relations of Youth in the XXth Century // The Journal of Sociology and Social Anthropology. – 2010. – Vol. XIII. – No 2. – P. 52–71.
5. Golod S.I. Adultery: Sociologist's perspective // Human being. – 2003. – No 2. – P. 132–144.
6. Golod S.I. Procreation, plural erotic landscape: history and modern state // Sociological Studies. – 2008. – No 12. – P. 82–90.
7. Medaleva I.O. Gender peculiarities of spouses' attitude to adultery at different stages of family life // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2008. – No 11. – P. 57–68.
8. Sokolova Yu.A. Gender features of the reasons of adulteries in modern families // Proceedings of the Russian State Sociological University. – 2012. – No 7. – P. 148–154.
9. Алтынцев А. В., Дедюхин А. С., Мейерс-Цемашевич П. И. К вопросу о супружеской неверности // Наука Удмуртии. – 2013. – № 1. – С. 12–20.
10. Алтынцев А. В., Дедюхин А. С., Смирнов К. Д., Ермаков М. А. Некоторые аспекты супружеской неверности в условиях городской среды юга Удмуртии (на основе материала, собранного в городах Ижевск и Сарапул) // Образование и межнациональные отношения. Education and Interethnic Relations – IEIR2013 / под ред. Э. Р. Хакимова. – Ижевск : Удмуртский государственный университет, 2013. – С. 10–20.

О РОЛИ ЖЕНЩИНЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Л. М. Лысенко

*Кандидат сельскохозяйственных наук,
доцент,*

Е. Крякина

*студентка,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
алтайский филиал,
г. Барнаул, Алтайский край, Россия*

Summary. The article is devoted to the definition of the role of women in modern society. The functions of a modern woman on the physical, psychological and social levels is defined. The existing definition of «woman». is clarified.

Keywords: woman; emancipation; feminism.

Какова же роль женщины в современном обществе? Этим вопросом человечество задавалось всегда. А в сегодняшнем мире, в мире технологий, прогресса, открытий, эмансипации и феминизма этот вопрос стоит наиболее остро.

По данным ООН проблема положения и роли женщины в обществе стоит на втором месте для разрешения после эколого-экономических глобальных вопросов и проблем современности. Сегодняшняя женщина про-

дукт женского самотворчества. Она независима во всех сферах жизни: она самостоятельно планирует собственную жизнь, получает высшее образование и право на трудовую деятельность, сама решает выходить ли ей замуж или жить в гражданском браке, она выбирает себе мужчину, имеет право на сексуальную свободу и на контроль над рождаемостью. Женщина научилась быть еще красивее, благодаря новым медицинским технологиям. Она стремится идти в ногу со своей бурной эпохой, эпохой бесспорного прорыва в истории женщин. Женщина научилась быть не только мудрой, но и умной. Только в активной, производительной деятельности женщина обретает свою трансцендентность. Все в существование женщины стало предметом выбора, ей не запрещается ни один вид деятельности, никто и ничего не принуждает ее занимать определенное место в социальной среде. В современном мире женщина стала уже наравне с мужчиной.

И все-таки женщина – кто это?

С. И. Ожегов, дает такое определение «женщина: лицо женского пола, вступившее в брачные отношения» [2] или второе его определение «женщина, лицо, противоположное мужчине по полу, та, которая рождает детей и кормит их грудью» [2].

Д. Н. Ушаков определяет женщину как «лицо женского пола, начавшее половую жизнь, в противоположность девушке» [3].

Насколько полно здесь определение «женщина»? Насколько данное определение раскрывает суть женщины? Дает представление о современной женщине?

Анализируя эти определения можно прийти к следующему выводу, что женщина – **взрослый человек женского пола**, одного из двух **полов**, образующих **род людей**. Ее отличие от мужчины заключается в **особенностях биологического** строения тела. И только?

Современная женщина XXI века стремится стать сильной и равной мужчине. Не допускает унижительного, неуважительного отношения к себе. Она не останавливается на достигнутом, ей хочется большего, не терпит рамки, ограничивающие ее деятельность, не видит свое предназначение в чем-то одном, конкретном.

Каковы же функции современной женщины?

1. Женщина–мать, мама – на физическом уровне женщина должна родить, накормить, одеть и защитить своего ребенка.

Социальный и психологический уровень определяет ей такие функции как поддержка, забота, воспитание, удовлетворение потребностей детей, оказание помощи, обучение, передача опыта. Она способна утешать, ободрять и вдохновлять, также она выступает как помощница и партнер мужчине – где должна: поддерживать мужа в его начинаниях; помогать раскрыть его лучшие способности, быть верной. Она восполняет собой всё, чего недостаёт мужчине.

2. Женщина – жена, создает домашний очаг, придает уют в семье, порядок и чистоту в доме, добрую атмосферу и тепло человеческих отношений, а так же сексуальные отношения, улучшающие взаимопонимание, здоровье полов.

3. Женщина – работник, сотрудник – ей присуща гибкость в принятии решений, отходчивость и более внимательное отношение к мелочам, чувство ответственности, несмотря на такой минус как излишняя эмоциональность в поведении, она добивается серьезных успехов на любом поприще, осваивает сложные науки, вносит конструктивные предложения в развитие компаний разного профиля. Хотелось бы отметить, что женщины играют более значительную роль в экономике развивающихся стран. Быстрый экономический рост развивающихся стран привел к пропорциональному росту возможностей для женщин в бизнесе.

4. Женщина – творец – она вдохновляет и созидает. Для сотворения мира женщине необходимо не замыкаться в себе, не носить в сердце обиды, разочарования, а уметь сочетать в себе все самое необходимое, что позволит ей в реализации творческого подъема и успеха.

Итак, мы определили два основных направления деятельности женщины – хранительница очага и бизнес-леди, активная участница экономических процессов происходящих в обществе.

Шведские экономисты рассматривают связь между демографическими тенденциями, степенью равноправия полов и экономическим ростом. Они изучают ситуацию в 17 странах на основании двух критериев: 1) традиционность семейного менталитета и 2) уровень рождаемости [1].

В странах, где доминируют традиционные взгляды на роль мужчин и женщин в обществе (Германия, Италия, Испания, Япония) и уровень рождаемости относительно низок, отмечается более существенное замедление экономического роста, чем в странах, где господствует представление о равноправии мужчин и женщин и где уровень рождаемости имеет более позитивный характер, а демографическая структура более сбалансирована (это США, Швеция, Норвегия и др.). В таких странах меньше проблем, связанных со старением населения, а также более высокие показатели экономической активности населения. Все это способствует усилению экономики.

Мир очень изменился, появилось много возможностей, столько всего интересного и женщинам хочется быть в центре событий, делать что-то важное. И такая возможность ей предоставляется. Исключение составляют страны с традиционным укладом. Теперь женщины учатся в вузах; как всем известно, женский пол преобладает над мужским, так что можно сказать, образованная женщина – образованная нация! [4]. Образованная женщина в разы больше даст своим детям, а это очень важно. Женщина с широким кругозором умственных способностей будет интересна не только мужу, но и окружающим ее людям. Она теперь настроена ни на одну только семью и детей, а может позволить себе заниматься реализацией мечты, в

виде карьеры! При этом способна все успевать, хоть и претерпевает некоторые трудности (усталость, нервное перенапряжение от возложенных обязательств).

В настоящее время наиболее популярной становится такая модель семьи, где женщина, также как и мужчина, ставит на первое место карьеру и лишь потом семью. На второй план отходят дети, а материальное благополучие семьи становится наиболее важным фактором. Мы не говорим о том, что женщина совсем не стремится к созданию семьи, она обязательно ее создаст. Однако, даже после появления в доме детей, она будет стараться все свое время отдавать на улучшение материального состояния семьи, отдавая детей на попечение бабушек и нянь. Такая роль женщины зачастую устраивает мужчин, однако, не все мужья захотят делить данную роль с женами.

Второе на что стоит обратить внимание, затрагивая роль женщины в современном обществе, – это то, что женщина стремится к финансовой независимости. Такие женщины опять же стремятся создать блестящую карьеру, чтобы чувствовать себя материально независимой. Таким образом, женщины снова занимают роль мужчины, они становятся трудоголиками и вместе с этим становятся более подверженными стрессам, болезням и даже вредным привычкам.

Женщина с удовольствием примеряет на себя новую роль, и в этом ей способствуют изменения в самом бизнесе. Долгое время руководящие посты занимали преимущественно мужчины, однако, в последнее время, эта тенденция стала существенно меняться. Наглядные примеры этому мы можем увидеть в самой политике. Дипломатичность, острый ум, находчивость и рассудительность женщины делает ее незаменимым лидером и успешным главой крупных фирм и предприятий.

По данным исследования Grant Thornton, проведенного среди 6,6 тыс. частных компаний из 45 стран, доля женщин на руководящих постах в странах БРИКС (Бразилия, Россия, Китай, Индия и ЮАР) составляет 30 %. Для сравнения: аналогичный показатель в странах G7 равняется 20 %, в мире в целом – 24 %.

Среди причин столь достаточно высоких показателей – большой процент женщин, получающих высшее образование, который в некоторых странах превышает аналогичный показатель у мужчин.

Женщина не слабое подобие мужчинам, а равная противоположность. Она уважаема, свободна, перспективна. Ее роль так же велика, как и мужская. Она сочетает в себе все самое необходимое, она лучше переносит нагрузки, сильнее, не физически, а морально (психологически), хоть и считается слабым полом человечества. Одновременно она неосознанно является носителем изящества, несет в мир гармонию, украшает жизненное пространство. «Быть человеком – это много, но быть женщиной – еще больше» (М. Ларни).

Итак, женщина – равная противоположность мужчине, обладающая социальным положением, правами, обязанностями и другими аспектами человеческой жизни. Но, несмотря на это, мужчина и женщина взаимодействуют друг друга, взаимодействуют как в социальной, межличностной так и в биологической форме.

Библиографический список

1. Мортвик Р., Спант Р. Способствует ли равенство полов экономическому росту? // Problemes econ. – Р., – 2006. – № 2891. – Р. 46–48.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. URL: <http://www.ozhegov.org/>
3. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. URL: <http://monobit.ru/software/tolkovyy-slovar-russkogo-yazyka-d-n-ushakov>.
4. Шатская В. И. Роль женщины в современном мире. URL: <http://www.netlenin.ru/materiali/rol-zhenshchiny-v-sovremennom-mire-avt-shatskaya-veronika-igorevna.html>.

ГЕНДЕРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСТАНЕ: ПОЛИТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВА И ВЛАСТИ

Г. Т. Уранхаева
Г. М. Байпеисова

*Доктор политических наук, доцент,
старший преподаватель,
Казахский гуманитарно-юридический
инновационный университет,
г. Семей, Казахстан*

Summary. In the present article current gender processes in the Republic of Kazakhstan are analyzed through the prism of the interaction between society and the authorities. The main problems in achieving gender equality at the legislative and institutional levels are determined, the problems of economic advancement of women in Kazakhstan.

Keywords: gender equality; women's rights; gender imbalance; gender; national legislation.

Каждая страна, поставившая цель достижения гендерного равенства, движется к ней с учетом своего исторического, культурного и политического опыта. Это сложный процесс, включающий в себя исследования, анализ, политическую практику, правовое и институциональное, просветительское измерение во всех сферах. Значительный прогресс в деле разработки законодательства, обеспечивающего гендерное равенство и права женщин – в республике достигнут.

На сегодняшний день в мире нет ни одной страны, которая бы достигла полного гендерного равенства во всех сферах жизнедеятельности. И

не случайно Казахстан обозначил принципы гендерного равенства как один из приоритетов своей политики.

Во-первых, в целях продвижения вопросов гендерного равенства сформирована целостная система гендерной и семейно-демографической политики. В 1995 году это был Совет по проблемам семьи, женщин и демографической политике при Президенте Республики Казахстан. В настоящее время действует Национальная комиссия по делам женщин и семейно-демографической политике при Президенте Республики Казахстан (далее – Национальная комиссия). Высокий статус Национальной комиссии позволяет ей играть значимую роль и в развитии национальных механизмов по правам женщин.

Во-вторых, это формирование и развитие концептуальной базы гендерной политики, совершенствование действующего законодательства, приближение его к мировым стандартам.

Известно, что в 1998 году Казахстан присоединился к Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, О политических правах женщин, О гражданстве замужней женщины. В 2003 году принята Концепция гендерной политики, а в 2005 году Президентом Республики утверждается Стратегия гендерного равенства в РК на 2006–2016 годы. Она включает мероприятия по достижению гендерного равенства в области законодательства, политики, экономики, репродуктивного здоровья, борьбы с насилием в отношении женщин и детей, семейных отношений, информационной политики и гендерного образования. Этот документ стал итогом сотрудничества Национальной комиссии, женского движения и международных организаций и на сегодняшний день содержит оптимальный комплекс идей гендерного мейнстриминга.

Перераспределение ролей между мужчиной и женщиной в сфере политики и власти выражается формальным доступом к институту власти и правом женщин на политическую деятельность.

Можно сказать, что на уровне реализации конституционных норм, реальной практики – признак пола имеет существенное значение. Значит, в обществе еще не сложилась культура уважения принципа равенства, хотя оно и воспитывается в стандарте уважения к человеку в его гендерном измерении.

Двадцатичетырехлетний период независимости страны свидетельствует, что, несмотря на значительный прогресс, достигнутый сегодня в социальном положении и роли женщины в обществе, ее возросший политический и гражданский потенциал используется крайне недостаточно.

Но, как свидетельствует мировой опыт, процесс осознания ролевых и поведенческих моделей требует формирования и развития правосознания общества, что, в свою очередь, предполагает формирование национального механизма по достижению гендерного равенства.

Сегодня можно выделить три аспекта, наиболее значимые для продвижения женщин в политику. Одним из них являются позиции, программные платформы, которые занимают политические партии.

Другой аспект касается непосредственного участия женщин в выборах.

Третий имеет отношение к роли женских неправительственных организаций в политической жизни общества и в формировании политического поведения и политических действий и активности женщин.

Оценивая современную ситуацию в целом, можно сказать, что процесс активного политического продвижения женщин во многом будет зависеть от спланированной государственной политики, соответствующих программ, от путей развития женского движения в стране, гендерных позиций партий, а также от их взаимопонимания и взаимодействия.

Однако, достижение женщинами определенных политических позиций требует активизации ее социальной деятельности. В данном случае, сфера политики выступает условием и фактором становления и развития политической активности, но эффективное использование этого выбора зависит от наиболее активной женской группы электората.

Достижение партнерства мужчин и женщин в политике, закрепление политического авторитета женских общественных организаций во многом должно быть обусловлено инициативностью гражданского сектора и открытостью каналов политического продвижения, стратегии которого предполагают прохождение определенных этапов политической социализации. Этими проблемами в стране активно занимаются опять же женские НПО, Республиканская сеть школ женского лидерства, созданная по инициативе Национальной комиссии.

Ассоциацией деловых женщин Казахстана совместно с Национальной комиссией и при поддержке представительства ООН в Казахстане завершена работа над проектом «Поддержка и продвижение женского политического лидерства». Результатом этого проекта стало: создание клуба женщин-политиков, проведение тренингов в структурах госорганов, проведение мастер-классов от ведущих женщин политиков.

У нас, в Восточном Казахстане Федерацией женщин «Статус» завершен проект «Лидерские роли на политическом поле» при финансовой поддержке ПРООН в Казахстане. Участники проекта пришли к выводу – о необходимости разработки и внедрения многоступенчатой системы гендерного просвещения, разработки гендерных блоков и платформ в партийных программных документах. Как видим, общество проявляет интерес к проблемам формирования и развития стратегии вовлечения женщин в политику.

Все это говорит о важности выработки механизмов политического продвижения женщин, актуализации просветительской стратегии.

Но при этом, анализ действующего законодательства Казахстана по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин во всех сферах государственной и общественной жизни показывает, что с юри-

дической точки зрения у нас в принципе созданы условия для соблюдения гендерного баланса. Интересно то, что в Конституции Республики Казахстан нет прямого указания на то, что мужчины и женщины равноправны между собой: в статье 14 говорится о равноправии полов – несколько косвенно. Анализ действующего законодательства Республики и нового принятого закона о государственных гарантиях прав выявил ряд несоответствий по ряду норм отдельных нормативно правовых актов. Поэтому необходим мониторинг законодательств, внесение изменений и дополнений, широкое применение на практике норм международных договоров.

В-третьих, экономическое продвижение женщин – это одна из насущных проблем современного общества. Анализ современной ситуации позволяет говорить о росте активности женщин в экономике, женские неправительственные организации все чаще специализируются на вопросах продвижения экономической активности женщин. Активный интерес женщин к независимому предпринимательству американские исследователи назвали «тихой революцией в мировом масштабе».

Современные экономические реалии заставляют говорить о сложности процесса достижения равенства на рынке труда. Экономическому продвижению женщин в стране – будет способствовать проведение сильной экономической политики с учетом гендерных аспектов.

В-четвертых, сохранение и укрепление репродуктивного здоровья мужчин и женщин.

Наше государство завершило программу реформирования и развития здравоохранения. Принят Кодекс о здоровье народа, этот документ должен стать механизмом инвестирования в будущее нашей страны. Но, к сожалению, еще не эффективны механизмы по охране репродуктивного здоровья женщин, подростков. Надо признать, что у нас нет целенаправленной политики по сохранению репродуктивного здоровья мужчин. Особую тревогу вызывает здоровье подрастающего поколения, по данным профосмотров выявлено, что здоровых девочек – только около 47 %.

Отсюда прогноз о здоровье женщин на будущее неблагоприятен. Отмечается и рост подростковой беременности. А это будущие супруги, жены, но будут ли они мамами?

Все это свидетельствует о низком уровне знаний о безопасном репродуктивном поведении, планировании семьи. Или это свидетельство полного незнания. И это при том, что 80 % педагогов системы общего среднего образования – женщины.

Население Казахстана сравнительно молодое. Поэтому вопросы охраны и улучшения здоровья молодых людей должны стать первоочередными.

В-пятых, это вопросы достижения гендерного равенства в семье. Национальной комиссией проведен целый спектр исследований по изучению института семьи. Пожалуй, это самый жизненно важный вопрос, который волнует каждого казахстанца.

Стратегические действия государства направлены на усиление института семьи, брачных отношений и гендерного равенства в рамках брака. Необходима новая модель равноправной семьи.

В Кодексе «О браке и семье» основные положения направлены на защиту интересов семьи и ребенка, переработаны положения по усыновлению, внесена новая глава по суррогатному материнству. Рассмотрены нормы о реальном равноправии мужчины и женщины в семье, нормы о детализации брачного контракта, нормы, гарантирующие финансово-материальные интересы женщин в случае развода на правовой основе.

Если мы хотим установления реального гендерного равенства, нам необходимы юридически определенные права мужчин – например, при решении вопросов по определению судеб детей при разводе, о предоставлении возможности общения со своими детьми после развода, при предоставлении отпусков по уходу за детьми. Более тщательно отработаны нормы внутреннего законодательства, призванные защищать интересы отцов. Мы ставим эти проблемы, потому что хотим улучшить жизнь наших детей.

Им уже сегодня приходится работать и жить по законам большого глобального мира.

В-шестых: предотвращение насилия в обществе по признаку пола.

Это одна из стратегических задач реализации гендерного равенства. Решение этой проблемы требует координации, определения перспектив и направлении сотрудничества государственных и неправительственных организаций.

Проведена огромная позитивная работа по совершенствованию национального законодательства по предотвращению насилия и преступлений, связанных с торговлей людьми. Был принят закон «О профилактике бытового насилия».

Тем не менее, было бы несерьезным полагать, что законодательная база сможет обеспечить достижение реального улучшения гендерных отношений.

Поэтому, стратегия действий в данном направлении включает в себя изучение масштабов: распространения причин и последствий насилия, оценку эффективности последующих мер, проведение информационно-образовательной работы по предотвращению насилия, трафика. Но, главная наша задача – это улучшение экономического положения женщин и устранение тем самым – риска эксплуатации и превращения в объект трафика.

Гендерные отношения как отдельная проблематика вошли в образовательную практику.

Именно система образования и воспитания, их внутренняя политика являются основным производителем «культурных правил» и современных гендерных представлений и ценностей.

Разумное гендерное просветительство, равноправное сосуществование мужчин и женщин, культивирование семейных ценностей, диалог по-

колений, построенный на мудрости предков и энергии потомков – вот основа достижения гендерного равенства, основа нашего благополучия.

Мы должны помнить, что гендер – это, прежде всего, микрополитика, сцена межличностных отношений, постоянного делания гендера в конкретных жизненных ситуациях.

Гендерная политика – это политика где учитываются интересы и мужчин и женщин. Гендерная политика – это необходимый инструмент для построения демократического общества на принципах приоритетности прав личности. Демократия должна осознавать и чувствовать особенности пола.

ГЕНДЕР КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ МОЛОДЕЖНЫХ СОЛИДАРНОСТЕЙ: НА ПРИМЕРЕ АНДРОГИННЫХ И МАСКУЛИННЫХ СУБКУЛЬТУР

Е. А. Шорыгин

*Студент,
Нижегородский государственный
университет
имени Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия*

Summary. This study examines the category of gender as a basis for the formation of youth solidarities. For example of gender-polarized subcultural groups, the author shows the differences of personality and sociocultural characteristics depending on the specific gender regime. In the article the following attributes androgynous and masculine subcultures: specialty and performance, political beliefs and party affiliation, religious and confession, family structure, the levels of authoritarianism and tolerance, type of personality, sexual orientation.

Keywords: gender identity; gender regime; gender studies; queer studies; sociology of youth; youth subcultures; youth solidarity.

На сегодняшний день существует несколько точек зрения по поводу распространенности молодежных субкультур, одна из которых говорит о том, что «классические субкультуры уходят со сцены» [3]. Однако свежие исследования подтверждают факт широкой распространенности субкультурных групп [2], спецификой которых является их переход в виртуальное пространство.

Более того, происходит теоретическое переосмысление понятия субкультура – актуализируется солидарный подход, позволяющий «увидеть сквозные формы прямых или опосредованных объединений, социальный смысл которых определяется особенностями конкретных общественных ситуаций... позволяет выйти на основные линии ценностно-культурных напряжений в межгрупповых коммуникациях, сделать акцент на особенностях симпатий и вражды внутри молодежного пространства» [5, с. 5]. При

этом «интенсивность притяжений и отталкиваний (напряжений внутри межгрупповых коммуникаций) позволяет судить о ключевых ценностях и идеях, вокруг которых разворачивается символическая борьба» [там же].

В нашем исследовании мы видим релевантным типологизировать молодежные солидарности по гендерному признаку, располагая их на плоскости, полюсами которой являются андрогинность и маскулинность. Андрогинность предполагает нивелирование полового деморфизма и «достигается посредством использования особо стилизованной внешней атрибутики противоположного пола, инверсии стереотипных форм поведения, предписанных гендерными ролями. Её необходимо отличать от серьёзных психофизиологических расстройств (гендерная дисфория, транссексуализм, трансвестизм). Маскулинная ориентация, напротив, подчёркивает мужественность носителей субкультуры, которая в подобном понимании соотносится с брутальностью и культом физической силы» [1, с. 94].

По результатам нашего исследования, проведенного весной 2014 года, выяснилось, что «конфликтность и наличие антагонизма между представителями гендерно-поляризованных субкультур является характерной чертой их взаимодействия» [5, с. 1458].

В этом контексте релевантно полагать, что данные субкультурные группы имеют диаметрально противоположные личностные и социокультурные характеристики, специфику которых мы рассмотрим в настоящем исследовании.

Исходя из данного подхода можно составить следующую типологию молодежных субкультур, каждая из которых находится на гендерном континууме, полюсами которого являются маскулинная и андрогинная ориентированность (рисунок 1). При этом нельзя игнорировать и фемининно-ориентированные субкультуры, к которым можно отнести такие группы, как «ванильки», фрутсы, гламурщики, лолиты другие. В рамках конкретной субкультуры «происходит активное экспериментирование и игра с полом (аниме), продвижение новых сценариев сексуальной свободы (хипстеры) или пропаганда аскезы (стрейтэйджеры), борьба за отстаивание «правильной/нормативной» маскулинности и фемининности (готы, эмо, скинхеды, панки)» [4, с. 10].

Однако в рамках настоящего исследования группа фемининных субкультур оказалась нерелевантной из-за малочисленности ее приверженцев.

Рис. 1 – Типология современных субкультур

Говоря о **личностных характеристиках**, ярко прослеживается дифференциация по таким категориям как толерантность, уровень авторитарности, тип личности, сексуальная ориентация, половозрастная структура.

Отвечая на вопрос о *терпимости* к людям, имеющим другие взгляды, убеждения, традиции, верования и т.п., те, кто причисляет или причислял себя к андрогинным субкультурам демонстрируют более толерантную позицию, в то время как представители «мужественных» субкультур в 4 раза чаще говорят о нетерпимости к инаковым.

В рамках исследования у респондентов с помощью F-шкалы Т. Адорно замерялся *уровень авторитарности*, атрибутивными элементами которого являются конвенционализм (приверженность традициям и ценностям «среднего класса»), авторитарные представления, агрессия, анти-интроцепция (оппозиция к субъективному, творческому и др. мышлению), суеверия и стереотипы, власть и «твердость», разрушительность и цинизм, проекция и преувеличенная озабоченность по поводу секса.

Низкий уровень авторитарности оказался свойственным 82 % андрогинных субкультур, 17 % имеют средний и лишь 1 % – высокий данный показатель. Среди маскулинных субкультур оказалось в 3 раза больше ядерных «фашистов», вдвое больше людей со средним и на 16 % меньше – с низким показателем по шкале.

Более глубокий анализ ответов неформалов позволил дифференцировать их на *типы личности*: традиционалисты, подчиняющиеся авторитетам, авторитарно-агрессивные, суеверные и стереотипические, сильные и «твердые», деструктивные антигуманисты и сексуально озабоченные. Нами было выявлено, что среди маскулинных субкультур, по сравнению с андрогинными, чаще можно встретить индивидов с вышеперечисленными синдромами. Однако, с небольшим перевесом, некоторые типы оказались более характерными для «андрогинов» – конвенционалисты и антигуманисты.

Среди опрошенных субкультурных групп нами была выявлена доля лиц с *нетрадиционной сексуальной ориентацией* (10 %). Так, среди андрогинно-ориентированных субкультур в 5 раз больше молодых людей гомосексуалов, по сравнению с маскулинными субкультурами. Примечательно, что среди всех гомосексуалов, число геев и лесбиянок оказалось в практически равном соотношении (6 % и 4 % соответственно). Тем не менее, среди маскулинных субкультур было идентифицировано 2 % геев и отсутствие гомосексуальных женщин.

Рассматривая *половозрастную структуру* субкультур была установлена концентрация представителей «мужественных» субкультур в возрастном интервале от 14 до 21. «Андрогины» оказались старше – большинство из них совершеннолетние, а верхняя граница возрастного диапазона для основной части респондентов покрывает возраст 26 лет. Поскольку учитывались и «неформалы в прошлом», то можно говорить о том, значительная часть из них также причисляла себя к субкультурам еще до достижения совершеннолетия.

Среди представителей маскулинных субкультур число юношей значительно превалирует (68 %), как бы тавтологично это не звучало. Однако «бесполое» субкультуры, в большинстве своем, имеют феминную гендерную структуру (60 % девушек).

Основными элементами анализа **социокультурных атрибутов** представителей субкультур являются: специальность и успеваемость, профессиональная сфера, политическая ориентация и партийная принадлежность, религиозность и вероисповедание, а также состав семьи.

Говоря о *направлении выбранной специальности* нами было установлено, что среди представителей андрогинных субкультур преобладает число гуманитариев, по сравнению с маскулинными субкультурами, основная масса которых проходит обучение в общеобразовательных учреждениях, либо вовсе не учится. Однако, среди тех, кто учится в ВУЗе, ведущими направлениями обучения стали экономика, финансы и управление. Примечательно, что «андрогины» в 4 раза чаще находят себя в сферах образования, здравоохранения, культуры и искусства.

Что касается *успехов в учебе*, то имеется тенденция к повышенной успеваемости представителей андрогинно-ориентированных субкультур по сравнению с маскулинными.

Кем же работают неформалы? В *вопросе трудоустройства* представители обеих групп более-менее солидарны – пропорции работающих субкультурщиков в различных сферах примерно одинаковые, за исключением творческих профессий. Так, «андрогины» в 2 чаще работают фотографами, дизайнерами, художниками и в смежных областях.

Различия в *политических убеждениях* молодых людей из двух групп оказались весьма существенными. Так, представители мужественных субкультур в 5 раз (!) чаще заявляют о своих аполитичных взглядах и в 4 раза

реже говорят о себе как о либералах, при этом среди андрогинных субкультур оказалось в 2 раза больше коммунистов.

Более того, некоторые члены субкультур состоят в *политических партиях*: среди андрогинных субкультур таких всего 1 % (ЛДПР), однако маскулинные группы идут в противоречие со своими индифферентными политическими взглядами и чаще вступают в партии (2 % – Единая Россия и ЛДПР).

Интересные результаты показал анализ *уровня религиозности и конфессиональной принадлежности* молодых людей. В большинстве своем, «андрогины» имеют атеистическое сознание (60 %), 27 % – затрудняется в оценке своей религиозности и лишь 14 % из них считают себя религиозными. Противоположная тенденция прорисовывается в маскулинной среде – число атеистов здесь на 20 % меньше, в то время как верующих почти в 2 раза больше.

Сравнивая *вероисповедание* неформалов, нами была установлена четкая тенденция к ортодоксализации маскулинных субкультур – среди них в 7 раз (!) больше тех, кто считают себя православными. Респондентам была дана возможность самим указать свою конфессиональную принадлежность – 4 % «андрогинов» выделились и назвали себя пастафарианцами (поклонники так называемого истинного Творца, имя которому Летающий Макаронный Монстр).

Специфика семейной организации во многом оказывает влияние на выбор молодыми людьми поведенческих и мировоззренческих ориентиров. В этом контексте, нами были рассмотрены особенности семьи как фактор вовлечения молодых людей в молодежную субкультуру. Выяснилось, что среди представителей маскулинных групп на 7 % больше тех, кто проживает в полных семьях (38 %), и весомая доля тех, кто проживает отдельно, но воспитывался в полной семье (25 %), что также характерно и для андрогинных субкультур. Однако, по сравнению с первыми, большинство представителей андрогинных субкультур проживает в монородительской материнской семье (33 %), при этом не оказалось ни одного «андрогина», живущего вместе с отцом. Среди мужественных субкультур этот показатель характерен для 3 % молодых людей.

Анализ *уровня образования родителей и материального положения семьи* не выявил статистически значимых закономерностей – члены и андрогинных, и маскулинных субкультур выросли в обеспеченных семьях, чьи главы имеют, преимущественно, высшее образование.

Настоящее исследование продемонстрировало специфику личностных и социокультурных характеристик представителей андрогинно- и маскулинно-ориентированных субкультур, имеющих, по большому числу критериев, антагонистический характер. В первую очередь это касается личностных особенностей (уровень авторитарности, толерантности, тип личности, сексуальная ориентация) и таких социокультурных моментов как

специальность и успеваемость, политически убеждения и партийная принадлежность, религиозность и вероисповедание, состав семьи.

Таким образом, рассматривая гендерный режим как основу формирования молодежных солидарностей, можно говорить о существовании гендерно-поляризованных групп молодежи, стремящихся к сохранению и утверждению своего гендера посредством различных форм социальности. В этом контексте гендер выступает в качестве некоего ценностного базиса, вектора, вокруг которого надстраивается ценностно-символическая компонента, проявляющаяся, в нашем случае, в конкретных субкультурных формах.

Библиографический список

1. Латышева Т. В. Феномен молодежной субкультуры: сущность, типы // СОЦИС. – 2010. – № 6. – С. 93–101.
2. Молодежные субкультуры в современной России и их социализирующий потенциал. Часть первая / Доклады Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. Вып. 11. – М. : Научный эксперт, 2014. – 72 с. –
3. Омельченко Е. Л., Сабирова Г. А. В поисках молодежных солидарностей. URL: <http://youth.hse.spb.ru/node/124> (дата обращения 30 апреля 2015).
4. Омельченко Е. Л. Новые молодежные движения и солидарности России / под ред. Омельченко Е. Л., Сабировой Г. А. // Ред.: Омельченко Е.Л. Ульяновск : Издательство Ульяновского государственного университета, 2011. – 216 с.
5. Омельченко Е. Л. От субкультур – к солидарностям и назад к субкультурам? Споры о терминах и этнография молодежной социальности / Е. Л. Латышева // Этнографическое обозрение – 2014. – № 1. – С. 3–8.
6. Шорыгин Е. А. Специфика взаимодействия молодежных субкультур: гендерный подход // Девятые Ковалевские чтения: Материалы научно-практической конференции 14–15 ноября 2014 года, 2014. – С. 1455–1458.

III. FORMING OF GENDER IDENTITY AS THE PROBLEM OF PERSONALITY DEVELOPMENT

ВИРТУАЛЬНАЯ МАСКУЛИННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ПРОДУКТ СЕТЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Л. Л. Асатурова

*Аспирант,
Санкт-Петербургский государственный
университет,
г. Санкт-Петербург, Россия*

Summary. This article is devoted to the process of masculine identity construction in the area of virtual interaction. We suppose this process includes 3 main agents: network agents, internet users, media field.

Keywords: masculine identity; virtual interaction; Internet; media.

Проблема конструирования гендерной идентичности занимает важное место в анализе социальной реальности. На современном этапе своего развития общество невозможно рассматривать в отрыве от технологического и информационного прогресса, возникновения новейших коммуникационных технологий и внедрения их в различные сферы жизнедеятельности людей по всему миру. Глобальный характер охвата сети Интернет, высокая скорость перемещения информационных потоков, свободный доступ к виртуальным ресурсам, стирает пространственно-временные границы, превращая мир, в терминах М. Маклюэна, в «глобальную деревню». Приходя на смену таким традиционным видам СМИ, как пресса, радио, телевидение, изначально не предполагающих интерактивности, Интернет выступает пространством конструирования и преобразования смыслов посредством активного участия пользователей в информационном процессе на таких виртуальных площадках как чаты, форумы, социальные сети. В сложившихся условиях важным становится вопрос признания и закрепления за Интернетом статуса инструмента формирования, трансформации и трансляции определенных образцов, моделей, мнений, представлений и стереотипов, оказывающих существенное влияние на переосмысление существующей картины мира людей. Существенное значение, при этом, играет изменение представлений о модели взаимоотношений между мужчинами и женщинами, коррективы, которые новые информационно-коммуникационные технологии вносят в существующие гендерные стандарты, механизмы и схемы, закрепленные и функционирующие в обществе.

Мы полагаем, что в пространстве виртуального взаимодействия конструируется и обретает смысл особый тип «виртуальной» маскулинной идентичности, возникающий на стыке нескольких областей сетевой активности.

Во-первых, это деятельность сетевых агентов, задающих рамки и границы символического и содержательного наполнения сообществ социальной сети, конструируя виртуальный мужской образ. Потребление предложенного мужскими сообществами тематического контента будет корректировать поведенческие стратегии мужчин, влиять на их образ, как в виртуальном пространстве, так и на уровне повседневной социальной реальности. При этом Интернет, в отличие от социальной реальности, придает большую степень свободы и автономии действиям мужчинам, позволяя избегать жизненно важной необходимости подтверждения своего маскулинного статуса как перед самим собой, так и перед окружающими.

Во-вторых, это поведение пользователей, которые конструируют маскулинность посредством использования ряда дискурсивных стратегий и технологий в ходе виртуального взаимодействия. В отличие от пространства социальной реальности, где люди придерживаются определенной модели коммуникативного поведения, посредством которой они однозначно проявляют свою гендерную идентичность, в интернет-пространстве происходит конструирование собирательной модели идентичности, основанной на использовании и смешении компонентов из разных поведенческих моделей.

В-третьих, это медиапространство, где дискурсивно формируются и задаются ориентиры, критерии и границы маскулинности. Хронологическое изменение образа мужчины, конструируемого и транслируемого средствами массовой информации, позволяет сделать вывод о расколе однозначного мужского образа, задающего единственный ориентир следования и соответствия для мужчин к разрозненным фрагментарным моделям, предлагающим мужчинам выбор желаемой модели маскулинности [1; 3]. Мы полагаем, что данный процесс связан с ростом числа мужских изданий, ориентированных на разные возрастные, социальные, профессиональные сегменты потребителей, что обуславливает диктуемые журналами жизненные модели, стратегии поведения, ценностные ориентиры, набор материально-вещной атрибутики, вне следования и обладания которыми мужчина не может рассматриваться как успешный, современный, настоящий.

Таким образом, процесс конструирования маскулинной идентичности в пространстве виртуального взаимодействия представляется нам перспективной областью исследования, требующей дальнейшего научного осмысления.

Библиографический список

1. Гусева Ю. Е. Дуализм образа мужчины в популярных журналах: брутальный супермен и/или инфантильный муж // Гендерные исследования в гуманитарных

науках: современные подходы : материалы международной конференции. Часть II. – Иваново : «Юнона», 2000. – С. 79–83.

2. Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева; Зacl. ст. М. Вавилова.– М.; Жуковский : «КАНОН-пресс-Ц., «Кучково поле» , 2003. – 464 с. (Приложение к серии «Публикации Центра Фундаментальной Социологии).
3. Чернова Ж. В. «Корпоративный стандарт» современной мужественности // Социологические исследования. – 2003. – № 2. – С. 97–103.

ИДЕНТИЧНОСТЬ ЖЕНЩИНЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Н. П. Хозяева

*Директор,
ООО «Сотрудничество деловых
и творческих женщин»,
г. Минск, Беларусь*

Summary. This paper presents problems of a philosophical reflection on the transformation of a woman's identity in the modern society. Information technology revolution adds new ways to explain alternative models of the woman's identity.

Keywords: woman's identity; gender; modern society; information technologies.

Особенной тенденцией развития современного общества нашей страны является неуклонное расширение процесса глобализации, учитывающего достижения многих цивилизованных стран на пути мирового прогресса. По мнению учёных, неустойчивое, лабильное состояние социальной идентичности становится нормой современных обществ. Исследовательница Е. Н. Данилова замечает: «То, что мы называем кризисом идентичности выступает как нормальное состояние индивидов, принуждаемых объективными условиями перманентных социальных изменений отслеживать и рефлексировать свои ориентации в пространстве «Мы-Они» – в своём самоопределении и общественном статусе» [6, с. 30].

Сегодня женщина стремится к новому осознанию своей аутентичности, к полному раскрытию своего личностного потенциала, ищет альтернативные формы культурной идентичности. Однако пересмотр устойчивых культурных концепций о женственности равно как и поиск женщиной альтернативных культурных идентичностей воспринимается далеко не однозначно и, скорее всего, как преступление против женской «природы». В контексте нашего исследования, как заметила российская исследовательница Е. В. Гредновская, важно, что самоидентичность сегодня всё больше воспринимается не как раз и навсегда сформированная данность, а как незаконченный проект [5, с. 3].

Современный подход к поиску новых форм идентичности женщины предполагает владение информацией, предоставляемой мировой информационной сетью Интернет, безусловную компьютерную грамотность женщин-пользователей Интернет, свободное ориентирование в процессах женских и гендерных исследований и создание условий для выработки собственной идеологии становления и развития политики женских репрезентаций в Беларуси.

Идентичность женщины как предмет философской рефлексии долгое время оставалась в тени патриархатных воззрений на роль и место женщины в обществе. Уготованная для неё роль «второго пола» имплицитно оказывала влияние на все подходы, в рамках которых хотя бы каким-то образом затрагивалась тема женского участия и тема репрезентации самой женщины. Известно, что идентичность – понятие, обозначающее осознание индивидом себя тем, кем он является [1, с. 155]. Однако в поиске тождественности с самим собой человек неизбежно сталкивается с окружающим социальным миром, в котором существуют миры Другого, требующие их понимания и осознания. «Между нами происходит постоянная непрерывная идентификация. Мы не только живем в одном и том же мире, мы участвуем в бытии друг друга» [3, с. 4]. В связи с этим в исследовании трансформации идентичности женщины в современных условиях, кроме функционально-структурного подхода, важно применять теорию социального конструирования и структурно-конструктивистский подход. В качестве исходных методологических посылок в исследовании используются принципы общенаучного и системного анализа, диалектического единства, сравнительно-исторического и логического методов, метод декомпозиции.

Понятия идентичности женщины и женской субъективности напрямую соотнесены с развитием философской, социологической, психоаналитической мысли в отношении к полу человека. Существует несколько подходов к проблеме пола. Наиболее близко характеристики пола и идентичности связываются в рамках биодетерминистского подхода, согласно которому пол, данный от природы – мужской или женский – определяет все последующие полоролевые различия, воспроизводя культурные стереотипы женственности и мужественности. Идентичность женщины испокон веков была однозначной и всегда соотносилась с идентичностью мужчины как второстепенная, что во многом было обусловлено приоритетом рационального знания. З. Фрейд, известный как «основоположник» биологического фундаментализма, впервые заявил о том, что человек не есть нечто однозначное, недвусмысленное и данное от рождения. Пол человека есть производное от его анатомического строения. «Анатомия – это судьба» – вынес приговор известный психоаналитик З. Фрейд по отношению к женщине. Традиционный подход к проблеме женской идентичности опирался на концепцию существования базовой биологической дихотомии между мужчиной и женщиной. Такую позицию принято называть биологическим

детерминизмом или эссенциализмом. Феминистские авторы отрицают биодетерминистский подход к проблеме женской идентичности и отмечают, что за «естественные, и «природные» могут автоматически приниматься нормативные поведенческие паттерны, такие как гетеросексуальность, традиционная семья и т. п. По мнению белорусской исследовательницы О. И. Чесноковой, феминистская критика биологического детерминизма справедлива лишь отчасти, так как, «анализируя социальное бытие пола, нельзя, на наш взгляд, обойтись без рассмотрения его биологической составляющей» [13, с. 26].

По мере развития цивилизационных процессов менялись парадигмы философского знания, знаменуя переход от принятия центральной фигурой философской рефлексии рациональный субъект и его статичный онтологический статус к новому взгляду с фокусом на децентрированный, рассеянный, подвижный субъект эпохи постмодерна, менялось и отношение к полу. Происходило смещение взглядов на пол как биологически предданный, приходило осознание роли социокультурных факторов на самосознание человека, на его самоидентификацию, на существование зависимости его культурного выбора от властных, иерархических отношений в обществе между мужчинами и женщинами. Деконструкция сугубо «мужского» рационального знания через трансформации научных парадигм и подходов, повлияла на изменение представлений о женской идентичности, придав этому понятию нежесткий однозначный характер, раз и навсегда предписанный патриархатным обществом, и расширив пространство для множественных женских идентификаций. Как заметила российская исследовательница Н.Н. Козлова, именно общества модерна стали одержимы проблемой идентичности, поскольку настало время рефлексии и стало необходимым подвергнуть сомнению незыблемость утверждения, что анатомия – это судьба [9, с. 166].

Крупнейший теоретик феминизма второй волны, французская философ-экзистенциалист, автор книги «Второй пол» С. де Бовуар, справедливо замечала, что женщиной не рождаются, а, скорее, становятся, и этот процесс идет под влиянием образования, воспитания, образа жизни, культуры, религиозных традиций и многого другого [2]. По ее мнению, конфликт между изначальной способностью быть субъектом и навязанной ролью объекта чужой власти и определяет особенность «женской судьбы». Но С. Бовуар убеждена в том, что этот конфликт понемногу разрешается. Стремление к свободе одерживает верх над стереотипами традиционного поведения женщин и мужчин. Подтверждение тому – появление крупных женских личностей в истории, развитие идей женского равноправия, самого женского движения. Традиционные шаблоны идентичности, сформированные в патриархальном обществе и навязывающие женщинам статические модели, такие «мать», «труженица», «хранительница очага» не отвечают темпам социальной динамики, претерпевают процессы изменения

либо ликвидации. По мнению российской исследовательницы Н. М. Ершовой, «такие сферы женской активности, как материнство и профессиональная деятельность, являются главными антагонистическими силами, разрушающими целостность женской идентичности. Поэтому в современном обществе более, чем в любом другом женская самоидентификация не может быть завершена образованием стабильной идентичности» [7, с. 6].

Дискурс современности, возникший в результате трансформации гендерного порядка, – замечает исследовательница Е. В. Гредновская – обеспечил право на существование тем, кто не вписывался в прежние общественные нормы бинарности пола, что вызвало к жизни инновационные легитимные социально-половые практики. Анализ новых форм социального бытия в данной сфере предполагает социально-философский подход, основанный в силу специфики самих проблем на неклассической парадигме научного знания [5, с. 11]. Особую роль в трансформации подходов к проблеме сыграли концепции *постмодернистского* и *психоаналитического* направлений. Российская исследовательница И. Жеребкина отмечает, что в рамках постмодернистской рефлексии оказались очень значимыми оказались теория власти Фуко и концепция сексуального желания, которая ввела в дискурс понятие *сексуального различия* как маркер гендерной идентичности. Психоаналитические же теории акцентировали феномен бессознательного, в котором находили объяснение женские репрезентации и опыт [8, с. 45].

Продолжением, новым вкладом к изучению проблем идентичности, стало развитие феминистской философии. Феминистские *теории различия* философов-феминисток второй волны феминизма, а затем как критика данного подхода последовательницами постфеминизма (третьей волны феминизма) *теория различий* стали основанием для деконструкции патриархатных систем власти и иерархии всего жизненного уклада, при котором всё мужское имело доминантный характер, а всё женское представлялось второстепенным и зависимым от мужских ценностей и мужской воли. Мыслить «инвариант» феминного как ключ к пониманию вечно изменяющегося общества стало специфической чертой постмодерна, нашедшего в «женском» не альтернативу мужскому, а отказ от альтернативности. Речь стала идти о гораздо более широком и значимом явлении, чем новый этап в экономическом положении и организации домашней работы женщины, – о новом способе конструирования того, что можно было бы назвать «феминной» идентичностью.

Теории социального действия М. Вебера и Т. Парсонса подтверждают наличие явного влияния окружающего мира на процессы социальной идентификации людей. К концу XX века значимый вклад феминистской мысли привёл к появлению *гендерных исследований*, в центре внимания которых оказались не только женский опыт и женщина как субъект, но и осмысление мужских ценностей и опыта и их трансформации. Кроме того,

акцентировалось внимание на наличие властных иерархий, являющихся причиной гендерного неравенства и дискриминации в отношении женщин. Как результат гендерных исследований появились *теории гендера*, в основании которых находятся феминистские подходы к теме пола и гендера. Таким образом, ранее вытесненное на периферию философствования, *женское* (то, что объединяет женщин – нерациональное, чувственное, тёмное, пассивное, внутренне и т. д.) как *Другое* оказалось в центре внимания, а значит стало видимым. В результате критического дискурса европейскими исследовательницами-постфеминистками был введён критерий сексуального различия как необходимый инвариант в структуре женской субъективности. Репрезентации женской субъективности нашли свое выражение в новых визуальных формах «женской» живописи, «женского» письма, «женского» кино, «женского» рукоделия и др. Термин «женское» обретает смысл не гомогенной идентичности, но идентичности специфической, сплетенной из разных «оттенков» женских желаний. Женская идентичность начинает уходить от сложившихся канонів своего формирования, приобретая плюральность своего отождествления. Американские исследователи акцентировали внимание на соотношении понятий пол/гендер в процессах социального конструирования гендера. Гендерный подход как теория стал основой гендерных исследований и как практический инструмент лёг в основу политики ликвидации гендерного неравенства во всех сферах деятельности.

Понятие *гендера* как социальной характеристики пола («социальный пол») оказалось базовым компонентом для появления ещё одной составляющей социальной идентичности – *гендерной* идентичности, которая учитывает влияние гендера для процессов идентификации также как и учитываются другие ключевые факторы такие как раса, возраст, класс для характеристики других видов социальной идентичности в глобализирующемся мире. Междисциплинарный анализ философских, социологических, психоаналитических, феминистских, гендерных теорий расширяют наше представление о *поле* (*sex*) как только о биологической данности, приводят к выводу сложности взаимоотношений *пола* и *гендера* (*sex/gender*), которые лежат в основе структурных иерархий в обществе. В истории социальной философии рождается новый подход – *гендерный*, в рамках которого гендерные отношения рассматриваются как отношения власти и неравенства, в условиях которых патриархатное общество угнетает и подавляет женщину. Данный подход в социальной философии опирается на понимание гендера как социально сконструированного отношения неравенства по признаку пола. Исследование отношений мужчин и женщин как гендерных означает исследование полоролевых моделей их поведения как социально детерминированных, в отличие от традиционного подхода, где различие социальных ролей мужчин и женщин определяется «естественным», природным фактором – различием их биологической организации.

Известно, что освоение гендерных ролей в процессе социализации неразрывно связано с обретением качеств, *гендерно* ожидаемых от женщин и мужчин и опосредованных культурным и социальным окружением, – это такие качества как *фемининность* (женственность) и *маскулинность* (мужественность). По замечанию исследовательницы Л. В. Бызовой «гендерная идентичность определяет соответствие личности образцу маскулинности/фемининности, включающему более адекватные способы репрезентации себя обществу с учётом имеющейся системы гендерных отношений» [4, с. 211]. Гендерная идентичность является более широким понятием, чем полоролевая идентичность, поскольку *гендер* включает в себя не только ролевой аспект, но и, например, образ человека в целом (от причёски до особенностей туалета) [11]. Таким образом, понятие *гендер* даёт возможность осознать социальное конструирование маскулинности и фемининности, что облегчает понимание процессов трансформации гендерной идентичности в современном мире.

Современное развитие средств коммуникации и связи, становление информационного общества формируют новые вызовы для формирования идентичности современной женщины. Женщины не должны потеряться в информационной революции, и поэтому столь необходимо внимание к анализу старых и поиску новых альтернативных моделей идентичности современной женщины. Взаимодействие в киберпространстве имеет свои специфические особенности, рождает свои «заэкранные» идентичности, среди которых понятие женской идентичности размывается и, возможно, когда-нибудь потеряет свою актуальность. Состояние «смешанной идентичности», «лоскутной», «флюидной» идентичности человека в современном информационно-компьютерном мире приводит к постепенному изживанию прежних форм идентичности, связанных с институциональным характером всей системы общественного устройства национальных государств [12, с. 16].

Четвертая Всемирная конференция по проблемам женщин, которая проходила в Пекине в 1995 году, всегда рассматривалась как переломный момент в восприятии информационных технологий в качестве мощного инструмента, который мог бы использоваться женщинами для мобилизации возможностей, информационного обмена и обретения самостоятельной роли. Виртуальное сообщество, которое сформировалось вокруг Пекина, положило начало международной электронной сети женских организаций, которая продолжает существовать и развиваться [10, с. 11]. Благодаря активному онлайн-взаимодействию активистов женского движения, гендерных исследователей происходит расширение информационного пространства для женских сообществ, появляются новые возможности для гендерных репрезентаций и творческого самовыражения женщин.

В заключение необходимо отметить, что идентичность женщины в современных условиях является ключевой проблемой междисциплинар-

ных исследований. Важную роль в генезисе трансформации женской идентичности играют теории, в фокусе которых уже не только изучение полового диморфизма и взаимоотношения полов, но и признание властной компоненты между полами, учёт ранее невидимого многогранного женского опыта, осознание различий в женской среде. Такое теоретическое и методологическое разнообразие даёт поле новых возможностей для анализа женской идентичности и субъективности, и как следствие, признание множественности политик идентичности, а также привносит основания для деконструкции властных иерархий, лежащих в основе гендерного неравенства. Процессы глобализации, информационно-компьютерной революции являются источником масштабных социальных трансформаций, во многом обуславливая кризис идентичности человека. Трансформация женской идентичности в современных условиях представляет собой объективный и закономерный процесс, обусловленный изменением традиционных представлений о роли женщины в обществе на основе исторических и социальных предпосылок.

Библиографический список

1. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. Идентичность // Социологический словарь ; пер. с англ. И. Ясавеева; под ред. С. Ерофеева. – М., Экономика, 2004. – С. 155–156.
2. Бовуар С. де Второй пол / С. де Бовуар ; пер. с фр. А. Сабашниковой [и др.] ; общ. ред. С. Айвазова. – М. : Прогресс ; СПб. : Алетейя, 1997. – 832 с.
3. Бородуля А. А. Становление гендерной идентичности // Философия. Культура. Общество: сб. трудов молодых ученых и аспирантов в 2 ч.; под ред. М. Демчука. – Минск, РИВШ, 2005. – Вып.5. – Ч.1. – С. 3–7.
4. Бызова Л. В. Влияние гендерной идентичности на социально-психологическую адаптацию женщины : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11; Ярослав. гос. ун-т. – Ярославль, 2006. – 25 с.
5. Гредновская Е. В. Кризис гендерной идентичности: дискурсы и практики : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11; Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 2007. – 25 с.
6. Данилова Е. Н., Ядов В. А. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ // СОЦИС. – 2004. – № 10. – С. 27–30.
7. Ершова Н. М. Трансформация самоидентификации современной женщины: между полом и гендером : автореф. ... дис. канд. философ. наук: 09.00.11; Урал. гос. ун-т путей сообщения. – Екатеринбург, 2005. – 23 с.
8. Жеребкина И. Субъективность и гендер : гендерная теория субъекта в современной философской антропологии : учеб. пособие. – СПб. : Алетейя, 2007. – 312 с.
9. Зайцева А. С. Проблема идентичности в эпоху глобализации: социально-философский аспект : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11; Рос. акад. гос. службы. при Президенте Рос. Федер. – М., 2007. – 36 с.
10. Козлова Н. Н. Гендер и вхождение в модерн / Н.Н. Козлова // Общественные науки и современность. – 1999. – № 5 – С. 164–174.
11. Примо Н. Гендерные проблемы в информационном обществе / пер. с англ. – СПб : Российская национальная библиотека, 2004. – 102 с.
12. Радина Н. К. Гендерная идентичность // Портал «Женщина и общество» URL: <http://www.owl.ru/gender/020.htm> (дата обращения: 15.04. 2015).

13. Рейнгардт Н. В. Трансформация идентичности человека в информационно-компьютерном мире : автореф. дис. ... канд. философ. наук: 09.00.13 ; Курский гос. ун-т. – Курск, 2006. – 17 с.
14. Чеснокова О. И. Феномен гендерных стереотипов в современной культуре // Адукацыя і выхаванне. – 2006. – № 1. – С. 21–26.

IV. CROSS-CULTURAL GENDER RESEARCHES: CULTURE AND GENDER STEREOTYPES

ОСОБЕННОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ В США И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

А. В. Воронова

*Аспирант,
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского,
г. Ярославль, Россия*

Summary. In this article, the history of appearance and development of gender studies in psychology in the USA and Western Europe is considered. It is emphasized that there was a tendency for biological determinism in studying sex differences until 1970-s, and then it was replaced by a socio-constructivist approach, which is accepted in gender psychology nowadays. Gender studies are presented as a new area of science, which provides more comprehensive research of gender problems in psychology.

Keywords: gender studies; gender psychology; socio-constructivist approach.

Гендерная психология как направление психологической науки возникла относительно недавно, во второй половине XX в. на Западе. Появление этой сферы знания было связано с ростом интереса к гендерным проблемам в разных областях науки. Сегодня данное направление является очень перспективным и актуальным, в связи с чем изучение особенностей развития гендерных исследований в психологии представляет несомненный интерес.

До возникновения гендерных исследований в психологии существовала тенденция к проявлению биологического детерминизма в подходе к определению сущности половых различий. Психологические особенности и роли мужчин и женщин считались определяемыми анатомо-физиологическими особенностями организма. В соответствии с традиционными установками женщин и мужчин считали абсолютно противоположными друг другу. В связи с этим, их социальные роли также представлялись различными: главным предназначением женщин считалась забота о доме и семье, а общественная, политическая жизнь, а также наука считались сферой деятельности мужчин.

Исследователи отмечают, что особенностью психологической науки начала XX в. являлась «двойкая неженственность», т. е. отсутствие жен-

щин в психологии как в роли субъектов, так и в роли объектов исследований. Внимание психологов было сосредоточено на мужском опыте, а полученные выводы распространялись на весь род *Homo sapiens* [6, с. 9]. Таким образом, в XIX – начале XX в. существовал значительный пробел в изучении психологии женщин. Поскольку серьезных исследований в данной области практически не было, многие выводы оказывались бездоказательными. Примером может служить работа австрийского ученого О. Вейнингера «Пол и характер» (1903), в которой содержится достаточно много идей автора относительно женской психологии и полоролевых различий мужчин и женщин, которые не основаны, однако, ни на каких объективных данных. Сам автор обращает внимание на особенность психологии своего времени, заключающуюся в отсутствии женщин среди психологов. Поскольку психологию, в том числе, женскую, пишут мужчины, ее полноценное изучение невозможно [2, с. 127].

Голландский ученый Г. Гейманс сделал попытку провести серьезное научное исследование, и в 1911 г. вышла его книга «Психология женщины», которая отличалась научным стилем и аргументацией. Однако Гейманс также обращал внимание на невозможность сделать абсолютно объективные выводы, т.к. женщины и мужчины находились в неравных условиях в обществе [1, с. 21].

Надо отметить, что в начале XX в. произошли значительные изменения как в социальной сфере, так и в области науки на Западе. Благодаря феминистскому движению, положение женщин существенно изменилось: появилось право на получение полноценного образования, работу вне дома, участие в политической жизни. Конечно, эти факторы оказали существенное влияние на психологическое развитие женщин. Вместе с ростом самосознания женщин появляется и стремительно развивается новая сфера научного знания – Женские исследования (*Women Studies*), возникшая в США в конце 1960-х годов.

Во второй половине XX в. науке были произведены важные открытия. В частности, открытия в области сексологии поставили под сомнение утверждение о биологической детерминации половых различий и показали, насколько сложной является данная проблема. Термин «гендер», т. е. социальный пол человека, был введен в науку Д. Мани, который занимался проблемами гермафродитизма и транссексуализма. При изучении феномена несоответствия биологического пола и представлений человека о самом себе, возникла необходимость выделить отдельно социокультурные факторы, влияющие на формирование половых различий. Таким образом, были разделены понятия «пол», обозначающее биологические аспекты жизнедеятельности человека, и «гендер», относящееся к социокультурной сфере. В психологии данный термин появился благодаря американскому психоаналитику Р. Столлеру в 60-х гг. XX в. Важно подчеркнуть, что биологический пол также является очень сложной системой, имеющей не-

сколько уровней: генетический пол, гонадный пол, морфологический пол, церебральный пол. При этом только на уровне гонадного пола (т. е. половых органов) можно говорить о четком разделении на две противоположные системы [3, с. 6]. Поэтому вопрос половых различий сегодня рассматривается как достаточно сложная проблема, требующая комплексного подхода к ее решению.

Гендерные исследования возникли в 1980-х гг., когда в университетах Западной Европы и Северной Америки были открыты соответствующие факультеты и кафедры, и появились ассоциации и научно-исследовательские центры, ведущие разработки гендерной проблематики. Переход от женских исследований к гендерным был связан с возникновением дискомфорта в связи с противопоставлением женщин и мужчин, а также с повышением значимости исследований различий половых практик, сексуальностей, идентичностей [8, с. 39].

К 80-м гг. также относится возникновение андрологии как специфической области знания, посвященной изучению мужского опыта и вопросов, связанных с неоднозначностью самой категории «мужчина».

В 90-е годы фокус исследований гендерной психологии несколько сместился: основной интерес стали вызывать работы, направленные на изучение различий среди самих женщин и внутри категории женского опыта. Появились исследования, изучающие женщин с различной расовой и этнической принадлежностью, сексуальной ориентацией и т. д. [4, с. 343].

И. С. Кон выделяет несколько этапов в развитии гендерной проблематики в психологии. В первые два десятилетия XX века немногочисленные исследования психологических особенностей мужчин и женщин обычно подводили под рубрику «психологии пола» (psychology of sex), причем «пол» зачастую отождествляли с сексуальностью. В 1930–60-е годы «психологию пола» сменила «психология половых различий» (sex differences); эти различия уже не сводили к сексуальности, но большей частью считали врожденными, данными природой. В конце 1970-х годов этот термин сменился более мягким – «различия, связанные с полом» (sex related differences), причем предполагалось, что эти различия могут вообще не иметь биологической подосновы [7].

Е. Иванова отмечает происходившие в XX в. изменения в подходах к изучению особенностей психологии женщин и мужчин. Гендерные исследования вначале проводились в рамках изучения индивидуальных различий, и маскулинность-фемининность пытались измерить, как и любые другие индивидуальные различия. Затем их пытались понять, как важнейшие черты личности, причем семья рассматривалась как главная среда, внутри которой происходит усвоение половых ролей, основанных на сложившихся культурных стереотипах. В 70-х годах С. Бем ввела понятие андрогинии, обозначающее людей, успешно сочетающих в себе как традиционно мужские, так и традиционно женские психологические качества, и смогла эмпириче-

ски продемонстрировать, что маскулинность и фемининность являются двумя независимыми, но не противоположными конструктами. Затем возникает представление о гендере как о концепте, введенном культурой. В настоящее время все больше психологов, занимающихся гендерной проблематикой, рассматривают гендер как категорию социальную [4, с. 313].

Важно подчеркнуть, что гендерный подход в психологии не отрицает наличие определенных различий в психологии мужчин и женщин, в основе данного подхода лежит идея о том, что важны не биологические различия между мужчинами и женщинами, а то социальное значение, которое придает общество этим различиям. Д. Д. Исаев обращает внимание, что «основной смысл понятия «гендер» заключен в идее социального моделирования (или конструирования) пола посредством социальной практики» [5, с. 9]. Современные исследования в области гендерных различий в когнитивных способностях (М. Zanna, S. Pack; Е. Maccoby, С. Jacklin; А. Freingold и др.), эмоциональной сфере (L. Brody; J. Hall; R. Fivush и др.) показывают, что эти различия не так существенны, как это представлялось раньше. К тому же, развитие тех или иных качеств личности в значительной степени зависит от таких факторов, как особенности среды, в которой живет и воспитывается человек, условий его жизни, сферы деятельности, социального окружения и т. д., т. е. тех факторов, которые не связаны непосредственно с заданными природой особенностями.

Таким образом, до начала 70-х гг. XX в. существовало представление о биологическом детерминизме социального пола. Однако на протяжении XX в. наблюдаются изменения в восприятии половых различий, что было продиктовано соответствующими процессами в жизни западного общества и достижениями в научной сфере, в связи с которыми пол стал пониматься как сложная многоуровневая система. В основе современных гендерных исследований лежит теория социального конструирования гендера. Ее главным преимуществом перед эссенциалистским подходом является более широкое и комплексное рассмотрение проблемы гендерных различий, включающее в себя не только биологические, но и социокультурные факторы. Возникновение и развитие гендерных исследований в психологической науке является закономерным и необходимым этапом, отвечающим требованиям времени.

Библиографический список

1. Бендас Т. В. Гендерная психология : учебное пособие. – СПб. : Питер, 2006. – 431 с: ил. – (Серия «Учебное пособие»).
2. Вейнингер О. Пол и характер / пер. с нем. В. Лихтенштадта. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1998.
3. Воронцов Д. В. Что такое гендер : гендерная психология : Практикум. 2-е изд. / под ред. И. С. Клециной. – СПб. : Питер, 2009.

4. Иванова Е. Гендерные исследования в психологии // Введение в гендерные исследования: ч. 1. Учебное пособие под ред. И. А. Жеребкиной – Харьков : ХЦГИ, 2001; СПб. : Алетейя, 2001.
5. Исаев Д. Д. Психологическое понимание и измерение пола : учебное пособие. – СПб. : СПб ГПМУ, 2012.
6. Клецина И. Развитие гендерных исследований в психологии // Гендерная психология: хрестоматия / сост. Е.Е. Ли. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010.
7. Кон И. С. Пол и гендер. Заметки о терминах. [Электронный ресурс] / Сексология. Персональный сайт И. С. Кона. URL: <http://sexology.narod.ru/publ037.html>.
8. Ярская-Смирнова Е. Возникновение и развитие гендерных исследований в США и Западной Европе // Введение в гендерные исследования: ч. 1. Учебное пособие под ред. И. А. Жеребкиной. – Харьков : ХЦГИ, 2001; СПб. : Алетейя, 2001.

ЖЕНСКИЙ ДИСКУРС В СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

И. В. Мамиева

*Кандидат филологических наук, доцент,
Северо-Осетинский институт
гуманитарных и социальных
исследований им. В. И. Абаева,
Владикавказский научный центр,
Российская Академия наук
и Правительство Республики
Северная Осетия-Алания,
г. Владикавказ, Республика Северная
Осетия-Алания, Россия*

Summary. The article deals with the stadial analysis of female subject in the literature of the North Caucasian peoples. The dynamics of evolutionary processes of regional female discourse has been traced. The attempt of conceptualization of correlation between gender and elements of traditional mentality and peculiarities of literary «gender dialogue» is being made.

Keywords: the North Caucasian literature; female discourse; stages of development; national mentality; gender identity; forms of creative self-fulfillment.

В современных исследованиях различают два этапа в развитии «женского письма». Если литературный дебют женского движения был связан с поиском «места в линейном времени (равенства в общественной жизни)», то впоследствии на первый план выходит акцентирование «специфичности женственной психологии» через посредство отображения телесного опыта и чувственных переживаний, ранее остававшихся за пределами маскулинных культурных практик [4, с. 8].

На Северном Кавказе критика «патриархатных» установок, ориентированных на игнорирование прав женщины, впервые прозвучала в литературе горского просветительства. В отличие от Запада, «женский вопрос» здесь, как в целом по России, был сконцентрирован не столько на юриди-

чески-правовом статусе женщины, сколько на иерархических отношениях в семье и социуме. Показательна в этом плане роль гендерного фактора в ситуации т. н. «гражданской смерти», как правило, инспирируемой тотальным разрывом всех социальных связей. По нормам обычного права северокавказцев ответственность за ту или иную провинность женщины ложилась не на нее саму, а на мужчин из числа близких родственников (мужа, отца, брата). Исключение составляло нарушение супружеской верности, наказание за данный вид прегрешения было для женщины равносильно физической гибели [3]. (Обратим внимание на тот факт, что при этом мужской адюльтер обыкновенно не имел никаких последствий.). Жестокие подробности акта «прижизненного умерщвления» горянки, уличенной в прелюбодеянии, воспроизводятся в рассказе адыгского писателя А.-Г. Кешева («Чучело», 1860); бойкоту и остракизму (*хъоды*) подвергается в сходной ситуации Залда – героиня одноименного произведения осетина С. Гадиева (опубл. в 1907 г.). Данный ряд произведений северокавказских авторов с изображением женских персонажей – мученических жертв гендерной асимметрии можно значительно расширить. Для нас важно подчеркнуть, что, при доминировании в просветительских текстах коллективного мнения как выражения традиционной ментальности, все же нельзя не заметить коррективы, бережно вносимые индивидуально-личностной точкой зрения писателя на мир. Так, собирательный образ «народа-судьи» в творчестве С. Гадиева – это, в сущности, своеобразное «прикрытие», художественный прием, позволяющий автору высказывать свои идеалы, собственную прогрессивную позицию [1, с. 20].

Тем не менее, гендер как социально-философская проблема в решении которой равноправное участие принимали бы и женщины, четко обозначился лишь на рубеже XIX–XX вв. – на волне революционно-демократического движения в России. Под воздействием прогрессивной национальной интеллигенции и при ее активной поддержке (К. Хетагуров, И. Крымшамхалов, И. Цей, Т. Табулов и др.) внедряются проекты устройства женского образования, активизируются формы самореализации женщины в условиях ограничительных социальных норм (благотворительность, литературные чтения, постановка спектаклей как культурно-просветительская акция и пр.).

Как вызов господствующему стереотипу маскулинной иерархии – женские голоса в культуре Осетии той эпохи. Столетие спустя после «Декларации прав женщины и гражданки» Олимпии де Гуж Роза Кочисова, 17-летняя осетинка из селения Ольгинское, в обращении к соотечественницам дерзновенно заявляет о личностных правах горянки. Пафос ее статьи «К девушкам Осетии!» (1905) – в страстном призыве к отказу от ритуализации гендерных ролей, к освобождению от репрессивной власти адата – *ирæд*, *чызгыскъæфт*, *уайсадын* и пр. Надо заметить при этом, что в произведениях первых женщин-писательниц еще не изжиты стереотипы «мужского» лите-

ратурного канона (см.: умный, находчивый муж – глупая, болтливая жена в «Лгуне» Р. Кочисовой; персонажи пьесы «Первый день молодого учителя в школе» Е. Коцоевой). Но в них есть постановка проблемы гендерного равенства, в том числе и в партнерских отношениях, в проявлении интимно-доверительных чувств. Более того, на уровне скрытых смыслов проводится идея превосходства роли женщины как гармонизирующего фактора в обществе («Завет отца или моя любовь» Р. Кочисовой).

Аспект пересмотра гендерных ролей в ракурсе их эгалитарности вновь актуализируется в женском письме» уже в советское время, в период «хрущевской оттепели». Плеяда талантливых писательниц (Р. Ахматова, Ф. Алиева, Ф. Балкарова, Т. Зумакулова, З. Хостикоева и др.) манифестирует в своем творчестве нетрадиционное видение проблемы; дух новаторства в их произведениях подпитывается интенсивной гендерной саморефлексией, выведением оригинальной типологии женских образов. Специфика художественного воплощения концепции женщины в этот период заключается не только в том, что она *de jure* – равноправное лицо в социуме, и даже, пожалуй, не в том, что традиционно скромная, замкнутая и робкая горянка предстает перед читателем в неожиданно новом ракурсе – как олицетворение подчеркнутой женственности, с пульсирующей энергией субъективных переживаний. Поэтическая новация связана в первую очередь с тем, что субъект лирического высказывания одновременно – носитель творческого духа, эмоционально-волевых импульсов, способствующих ломке патерналистских стереотипов в социальной среде. То есть авторы-женщины выстраивают собственную модель поведения, свою поэтику и стилистику письма.

Лейтмотивной для поэтов-«шестидесятниц» становится мысль об огромной ответственности за изреченное Слово, которое должно вместить «молчание предшественниц» – горянок, долгие века лишенных права голоса. «Как много поэтесс лежит безмолвно / На кладбищах в селениях у нас. / Они ль виновны, что беспрекословно / При жизни были немые, как сейчас?», – пишет в стихотворении «Горские поэтессы» балкарка Т. Зумакулова. Ей вторит осетинка З. Хостикоева, которая позиционирует себя в качестве реинкарнированной души Праматери-вопленицы древнего Ира: тысячелетиями ее уделом были скорбь и оплакивание бесконечных потерь; и вот она вернулась с новой миссией – творить песнь радости и счастья («*Иры хъарæггæнæг ус*»). Одна из ведущих мотивов этой песни – внутренняя природа женщины, ее сокровенная суть.

Утонченно-сдержанной эмоциональностью и, если можно так выразиться, целомудренной чувственностью отмечена поэзия чеченского автора Раисы Ахматовой. Оставаясь в рамках мотивационной поведенческой модели, закрепленной обычаем гор, ее героиня, тем не менее, способна восстать против косности, против запрета на неподдельное живое проявление чувства: «Все толкуют о гордости. / Что мне она?! / все советами мне

помогают благими... / Пусть же гром прогремит! / Ведь нужна тишина / Лишь музейным, / Закованным в мрамор богиням» («Приходи! Больше я без тебя не могу»). Женщина, способная на большие жертвы ради любви, требует взамен равноценного к себе отношения, в противном случае расставание неизбежно («Ты спросил: не плачу ли?», «Уходи...» и пр.).

Творческий почерк аварской поэтессы Фазу Алиевой характеризуется большей свободой в выборе средств самопрезентации женщины, большей откровенностью в обрисовке ее душевных порывов, интимных переживаний. Лирический субъект стихотворения «Благодарю судьбу» возносит хвалу небесам за то, что ей было даровано познать таинства любви и женского счастья: «Благодарю за то, что, крылья разметав, / В твои объятия бросалась я стремглав, / Что листья губ моих, как при внезапном шквале, / Под поцелуями твоими трепетали, / Что жаркий шепот твой: / «Люблю... Я снова здесь...» – / Во мне, восторженной, так растворялся весь, / Как растворяется в песке морская пена, / Как растворяется в душе аккорд Шопена...».

Процитированные строки и ряд других поэтических высказываний автора («Много примет у меня...», «Не верь, любимый!..», «Весь мир я в любви растворила твоей...», «Мужчина, муж, возлюбленный, запомни!» и пр.) звучали в известном смысле революционно для читательского слуха, настроенного на традиционную культуру гендерных отношений.

В лирике Фазу Алиевой ощутимо звучит мотив равенства полов, базируемый на идее гармонического баланса двух мировых начал – мужского и женского: Мы – две цветущие ветки-соседки, / их лишь на мгновение ветер развел, / Но не забывай, что у этих веток / и корни одни и единый ствол» («Не верь, любимый!..»). Напротив, поэзия осетинки Зинаиды Хостикоевой ориентирована на сознательное, с оттенком эпатажности, дерзкое заострение оппозиции «феминность – маскулинность»; в ее произведениях оживает древний культ богинь, сохранившийся в генной памяти со времен женского доминирования. Мифологический образ, идентифицируемый как собственное «Я» автора, предстает в различных ипостасях: как Мать народа, как пророчица и ворожея, как идеал чувственной красоты, как атрибут живой природы, наконец («Я здесь живу в объятьях высоких облаков...», «Женщина», «Я – женщина, во мне жизнетворенья благодать...», цикл «Абхазские куплеты» и пр.). Нелишне напомнить в этой связи, что включение архетипических образов в художественное пространство квалифицируется гендерологией как попытка исследования «генезиса сильной женской личности в условиях патриархальной парадигмы мышления» [2, с. 9 – 10].

Следующий виток в развитии женского дискурса зафиксирован уже на региональном постсоветском пространстве, в середине 90-х гг. XX – начале XXI веков. Принципиальное новаторство заявляет о себе трансформацией гендерных интенций, переводом феминистских умонастроений

и разной интенсивности субъективных переживаний в плоскость интеллектуальной интуиции, напряженной личностной рефлексии на тему современности как эпохи глобального катастрофизма. Данный уровень осмысления гендерной роли женщины мы связываем с третьим этапом в освоении северокавказской литературой женской темы, существенно отличающимся, на наш взгляд, от двух предыдущих, упомянутых в преамбуле настоящей статьи.

В центре внимания современных авторов-писательниц – история недавних локальных войн в Чечне, Абхазии, Южной Осетии, в других горячих точках распавшегося Союза (циклы стих. «Блокада» З. Хостикоевой, «Диалоги с Данте» М. Муслимовой, повесть «Абрисы» Лулы Куни); трагедия Беслана (поэтический сборник «Ангелы во крови» М. Муслимовой, множество стихотворений других авторов) и новоявленный лик женщины-шахидки с «поясом смерти» (роман «Дневник смертницы. Хадижа» М. Ахмедовой), и события более отдаленных времен, исторически судьбоносных для народов региона: Кавказская война под водительством Шамиля, вынужденная миграция горцев по ее завершении в Турцию, сталинские репрессии, депортация балкарцев, карачаевцев, чеченцев, ингушей в 1942–1945 годах в Среднюю Азию и Казахстан.

В силу табуированности означенных тем литература до недавнего времени вынуждена была прибегать в их освещении к формам иносказательной речи. В произведениях Т. Зумакуловой, например, «особым видом тайнописи» становится эзопов язык [5, с. 26]. Так, скитальческая судьба турецкого поэта Назима Хикмета в поэме «Изгнанник» определенно соотносится ею с трагической участью собственного народа-изгоя. И в поэме «Чужбина», изображая события седой старины, поэтесса, конечно же, имела в виду трагедию балкарцев, на долгие тринадцать лет лишенных отчей земли и крова и обреченных выживать на чужбине («Что тут на Родине стряслось / моей? / Быть может, хлынул с неба / дождь кровавый?.. / Тут смерть прошла, / кося подряд людей, / И все погибли – / правый и неправый... <...> / Ответьте кто-нибудь!.. / Родные!.. Братья! / В немом, глухом ауле я стою! / За что ты предал / страшному проклятью, / Аллах всесильный, / Родину мою?!»).

Сегодня слово «Депортация», высвободившись из-под гнета запрета, выносится в заглавия произведений, посвященных теме горькой памяти о народном бедствии. Для младшего собрата Зумакуловой по перу, Аллы Чотчаевой, время выселения балкарцев – 1943 год – это год «отсчёта зла без счёта». Гибельность пути в неизвестность обыгрывается перевертом семантики слова, в поэзии устойчиво олицетворяющего рассвет, весну, надежду: «Путь к востоку – / не к восходу, / А к закату / волей ката», т. е. восток ассоциируется в данном контексте не с восходом солнца и с жизнью, а с закатом и смертью. Стихотворение завершается характерным для произведений этой тематики аккордом: «Сила воли – / вызов доле» – народ

не сломался, выстоял, «возвратился, возродился!». (Вспомним, что и у Т. Зумакуловой символом выдержки и стойкости, поразительного жизнелюбия народа становится образ «цветка на скале».)

Отличительный признак северокавказской женской прозы сегодня – сосредоточенность на деструктивных последствиях социально-политических переломов в жизни общества, на проблемах гуманизма и нравственной памяти. В повести «Дорога домой» кабардинки М. Хакуашевой актуализация семейно-родовой и исторической памяти осуществляется сквозь призму утверждения культурной самобытности адыгов, чей путь во Времени был полон драматических испытаний. Метафора в названии произведения выполняет текстообразующую функцию, раскрывая взаимообусловленность в сознании автобиографического персонажа процессов гендерной и национальной самоидентификации. Эмоционально-напряженное осмысление героиней таких губительных для жизни этноса явлений, как махаджирство, депортация, политический диктат, необоснованные репрессии, происходит через «дешифровку» частных эпизодов собственной семейной истории, которые приводят ее к постижению правды о «чудовищных» преступлениях против всего народа, – правды, странным образом восполняющей ее «собственную незавершенность», т.е. помогающей постичь саму себя, свои корни – этнические и личностные. Иными словами, взаимоотношения с нацией, с историей отчей земли, с «полузабытым родным языком» предстают в повести как глубоко личная, экзистенциальная проблема. Возрожденческим пафосом пронизана финальная часть произведения – молитва, посвященная семье, близким и всему народу, его прошлому, настоящему и будущему.

В повести «Абрисы» чеченского автора Лулы Куни логика женского бытия раскрывается в экстремальных условиях войны и тяжелейшего послевоенного быта во время т. н. «чеченской кампании». Поэтика произведения подчинена задаче отображения внутреннего мира героини. Составляющие гендерного конфликта (женское одиночество, верность в любви, поиски мужа по тюрьмам и пересылочным пунктам, надежда на возвращение заблудшего в лоно семьи, крах иллюзий, национальный фактор в брачно-семейных отношениях, мифологема «сильной женщины» и пр.) органично вплетены в круг проблем, связанных с выживанием человека на войне, нации в целом (взгляд на события «изнутри»). Углубленно-аналитическое всестороннее воссоздание характера военных действий в Чечне художественной литературе, вероятно, еще предстоит освоить. В этом отношении симптоматично само название повести – «Абрисы», т. е. контуры, общие очертания предмета изображения. Отсюда берут начало и стилевые особенности письма: дискретность, фрагментарность подачи материала – итог прихотливой работы памяти. Жестокая правда войны предстает в увиденных глазами женщины подробностях во всей своей отталкивающей бесчеловечной наготе. Авторский пафос выражается в эмоцио-

нально и экспрессивно заряженных публицистических отрезках текста, в требовании – для отдельного индивидуума, этноса, общества – гарантированного государством права на достойное существование, в отрицании форм насилия над личностью, в идее «кругосвязи» всего живого на земле, будь то дерево, белочка или человек...

Анализируемые явления в творчестве северокавказских писательниц, каузированные социально-политическими изменениями в современном обществе, делают очевидными процессы модификации гендерных ролей, переход на новый уровень конструирования гендерной идентичности с усилением в нем элементов андрогинности. Наиболее яркое проявление это находит в раскрытии сложных, трагических моментов бытия народа, с точки зрения женщины-МАТЕРИ, ответственной за продолжение жизни на земле, за существование цивилизации с человеческим лицом.

Если же брать в целом, то история художественной словесности на Северном Кавказе есть восприятие мира сквозь призму гендерной асимметрии, с маскулинно-центрированных позиций. Впрочем, новый поворот в «женском вопросе» видится в творчестве современных авторов-мужчин (Г. Агнаев, А. Гучмазов, А. Балкаров, К. Ибрагимов, З. Канкулов и др.), через постижение космоса женской души вступающих в «диалог полов», начатый еще классиками XIX в. А.-Г. Кешевым, К.Хетагуровым, Г. Малиевым. В свете замеченного в литературе центростремительного движения позволительно говорить о стиле письма северокавказских писателей как способе, с помощью которого можно освободиться от гендерных ролей и разрешать «другому» становиться видимым [4].

Библиографический список

1. Мамиева И. В. В поисках слова: Автор и герой: Динамика взаимоотношений. – Владикавказ: Ир, 2008. – 368 с.
2. Мелешко Т. Современная отечественная женская проза: проблемы поэтики в гендерном аспекте. Учебное пособие по спецкурсу. – Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2001. – 88 с.
3. Нальчикова Е. А. Гендерный аспект концепта «социальная смерть» в его этнографическом контексте // Научные труды Московского гуманитарного университета. – Вып. 5 (80). – М., 2007. – С. 69–80.
4. Рюткёнен М. Гендер и литература: проблема «женского письма» и «женского чтения» // Филологические науки. – 2000. – № 3. – С. 5–17.
5. Чотчаева М. Ю. Художественное осмысление философской и нравственно-психологической концепции свободы и несвободы человеческой личности в русской и северокавказской литературах второй половины XIX–XX веков : автореф. ... дис. докт. филол. наук. – Майкоп, 2009. – 39 с.

СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕННОСТИ ПРОБЛЕМЫ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ДАГЕСТАНЕ

О. С. Мутиева

*Кандидат исторических наук, доцент,
Дагестанский государственный
институт народного хозяйства,
г. Махачкала, Республика Дагестан,
Россия*

Summary. Article is devoted to the problem of knowledge of gender studies in Dagestan. It should be noted that the historical and ethnographic literature XIX beginning of the twentieth century. Has left a full-fledged study on the Dagestan woman, and all it contains information on the issue are fragmented. In recent years there has been increased interest in research, and in particular to the Dagestan women's issues and gender relations. Appear and special works devoted to women's issues, which the author cites in his article.

Keywords: gender studies; woman; ethnography; Dagestan.

Положение женщины в традиционном обществе, ее социальный, экономический и правовой статус является одной из актуальных проблем исторической и этнографической науки. Особенно пристальное внимание она стала привлекать в последние годы.

В работах дореволюционных авторов собран и систематизирован ценнейший фактический материал, хотя и требующий к себе критического отношения. Несомненно, работы этих авторов оказали большое влияние на историческую науку, и нашли своих последователей среди историков и этнографов. Но при этом необходимо отметить, что роль и место женщины в общественной и семейной жизни, ее правовое положение в них отражены недостаточно. К сожалению, историческая и этнографическая литература XIX начала XX вв. не оставила полноценного исследования, посвященного дагестанской женщине, а все содержащиеся в ней сведения по данной проблеме имеют фрагментарный характер.

Среди дореволюционных авторов, в первую очередь необходимо отметить М. М. Ковалевского посвятившего свои работы изучению имущественного и правового положения женщины в традиционных обществах Кавказа. Автор дал интересные сведения о личном имуществе жены у мусульманских народов Кавказа, в частности у дагестанцев, которое считалось неприкосновенным, и по шариату возвращалось ей полностью в случае расторжения брака [8, с. 197–198.]. Далее, рассматривая эту ситуацию у осетин, Ковалевский писал, что «оставить мужа жена в прежние времена была не вправе, да и в наши дни развод по обоюдному согласию возможен только среди мусульман, у которых он дозволен шариатом» [7, с. 256–257.]. Сведения М. М. Ковалевского не потеряли своей ценности до сих

пор. Интересные сведения об имущественном положении женщины у кумыков мы находим у Р. И. Леонтовича [11, с. 200].

Изучаемая нами тема нашла свое отражение в работе И. С. Костемировского [9, с. 67.], где содержатся ценные сведения по экономической и социальной истории дагестанских народов, и в частности об экономическом положении женщины-горянки.

В конце XIX – начале XX в. выходят в свет работы материалы и статьи, публиковавшиеся в различных сборниках и периодических изданиях, где находят отражения вопросы, касающиеся женщин. В частности, новое серийное издание – «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (далее – СМОМПК) заменило выходявшее ранее серийное издание «Сборник сведений о кавказских горцах». Основной установкой нового издания было создание монографических описаний отдельных селений Кавказа. Именно в СМОМПК появляется целый ряд ярких и содержательных статей и очерков о народах Кавказа, написанных преподавателями станичных школ. Некоторые аспекты материальной и духовной культуры кавказских народов, и в частности терских казаков, получили достаточно широкое освещение в публикациях В. П. Пожидаева [15, с. 89]. Автор представил в своем исследовании ценные сведения о женщинах, о ее вкладе в семейное производство, о ее правовом положении, о досуге и развлечениях и т. п.

Новый этап в изучении женщины и ее места в обществе наступил в советское время. Время перемен диктовало новые условия жизни и быта. Идея эмансипации женщины, активного вовлечения ее в политическую жизнь, в общественное производство являлись одной из составляющих в единой борьбе за построение нового общества. Но, тем не менее, сколь-нибудь заметных изданий, посвященных именно женщине, к сожалению не появилось.

Ценные сведения о семейном быте, о хозяйственных занятиях, социальном и правовом статусе женщины-горянки, об обрядности содержатся в этнографических исследованиях С. Ш. Гаджиевой [5], М. И. Гаджиевой и А. О. Омаршаева [6], С. С. Агашириновой [1], М. К. Мусаевой [12] А. Г. Булатовой [4] и др. Некоторые аспекты гендерных отношений получили освещение в историко-этнографических исследованиях второй половины XX в., посвященные культуре различных народов Дагестана, в частности Б. М. Алимовой, [3], М. А. Агларова [2], М.-З. Ю. Курбанова [10], Г. М.-С. Мусаева [13] и др.

В последние годы наблюдается повышенный интерес отечественных исследователей к женской проблематике и гендерным отношениям. Из работ последних лет, следует отметить исследование М. Ш. Ризахановой [17]. В ней содержится интересный и оригинальный материал, в частности по русским женщинам. Появляются и специальные работы, посвященные женской тематике. Трудно переоценить значение содержательного иссле-

дования Б. Р. Рагимовой [16], которая на широком круге источников и богатом полевым материале раскрыла положение женщины в традиционном дагестанском обществе XIX начала XX вв. Ценный материал по гендерной тематике получил свое освещение и в ряде квалификационных работ последних лет, среди которых следует отметить исследования О. С. Мутиевой [14], где на широком круге источников и полевым материале раскрывается социально-правовой статус ниже-терской казачки, семейный быт, роль в духовной культуре.

Разумеется, перечисленными работами не исчерпывается литература, исследующая гендерные отношения в регионе. Возросшая роль женщины в современном мире делает проблему исследования роли и места женщины в обществе, особенно актуальной, а, следовательно, и появление новых, фундаментальных работ в этом направлении.

Библиографический список

1. Агаширинова С. С. Свадебные обряды лезгин в XIX– начале XX века // Уч. зап. ИИЯЛ. – Махачкала, 1964.
2. Агларов М. А. Андийцы: Историко – этнографическое исследование. – Махачкала : Издательство ДНЦ РАН, 2002.
3. Алимова Б. М. Табасаранцы XIX– нач. XX в.: Историко-этнографическое исследование. – Махачкала : Издательство ДНЦ РАН, 1992.
4. Булатова А. Г. О некоторых семейных и общественных обрядах народов Горного Дагестана в XIX – начале XX в., связанных с весенне-летним календарным циклом // Семейный быт народов Дагестана. – Махачкала, 1980.
5. Гаджиева С. Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. – М. : Наука, 1985. – 359 с.
6. Гаджиева М. И., Омаршаев А. О. Семья народов Дагестана в историческом развитии: Часть 1. – Махачкала : РИЦ «Стиль», 2000 г.
7. Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин. – М., 1886.
8. Ковалевский М. М. Закон и обычаи на Кавказе. Т. 2. – М. : Тип. А.И. Мамонтова и Ко., 1890.
9. Костемировский И. С. Три дня в горах Калалальского общества // Кавказ. – Тифлис, 1861. – № 84.
10. Курбанов М. – З. Ю. Сюргинцы. XIX – начало XX в. : Историко – этнографическое исследование. – Махачкала: Издательство ДНЦ РАН, 2006.
11. Леонтович Р. И. Адаты кавказских горцев. // Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. I. – Одесса, 1882.
12. Мусаева М. К. Традиционные обычаи и обряды народов Нагорного Дагестана, связанные с рождением и воспитанием детей. – Махачкала, 2006.
13. Мусаев Г. М. – С. Рутулы (XIX –нач. XX в.): Историко-этнографическое исследование. – Махачкала : Издательство ДНЦ РАН, 1997.
14. Мутиева О. С. Роль женщины–казачки в жизни населения Нижнего Терека в XIX – начале XX вв.: дис. ... к.и.н. – Махачкала, 2004.
15. Пожидаев В. П. Старины терских казаков // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1915. – № 1.

16. Рагимова Б. Р. Женщина в традиционном дагестанском обществе XIX – нач. XX век: роль и место в семейной и общественной жизни : дисс... д-ра ист.наук. – Махачкала, 2001.
17. Ризаханова М. Ш. Дагестанские русские. XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. – Махачкала : Издательство ДНЦ РАН, 2001.

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDESKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ» В 2015 ГОДУ**

Дата	Название
25–26 мая 2015 г.	Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества
1–2 июня 2015 г.	Социально-экономические проблемы современного общества
10–11 сентября 2015 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2015 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2015 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2015 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2015 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2015 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
5–6 октября 2015 г.	Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований
10–11 октября 2015 г.	Актуальные проблемы связей с общественностью
12–13 октября 2015 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2015 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2015 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
20–21 октября 2015 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2015 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
1–2 ноября 2015 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2015 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
5–6 ноября 2015 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
15–16 ноября 2015 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2015 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2015 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к будущему
1–2 декабря 2015 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2015 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2015 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук.

**ИНФОРМАЦИЯ О ЖУРНАЛАХ «СОЦИОСФЕРА»
И «PARADIGMATA POZNÁNÍ»**

Название	«СОЦИОСФЕРА»	«PARADIGMATA POZNÁNÍ»
Страна	Россия	Чехия
ISSN	ISSN 2078-7081	ISSN 2336-2642
Тематика	Социально-гуманитарный	Мультидисциплинарный
Сроки выхода номеров	Март, июнь, сентябрь, декабрь	Февраль, май, август, ноябрь
Реферативные базы	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Россия), • Open Academic Journal Index по адресу, • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада) 	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада)

ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНКУРС УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИХ РАЗРАБОТОК ПЕДАГОГОВ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ «ПЕДИННОВАЦИИ»

Конкурс проводится в дистанционной форме через сеть Интернет.
Официальный сайт конкурса <http://sociosphere.com>

Приглашаем к участию педагогов:

- Общеобразовательных организаций (школ, гимназий, лицеев).
- Профессиональных образовательных учреждений.

Конкурсная работа представляет собой **учебно-методическую разработку**, относящуюся к одному из видов:

- Технологическая карта и конспект учебного занятия, составленные на основе инновационных методик преподавания.
- Комплекс авторских интерактивных педтехнологий для внеклассных и воспитательных мероприятий.
- Разработка контрольно-оценочных критериев и средств.

Конкурс проводится с 15 апреля по 15 августа 2015 года. Итоги будут объявлены 1 сентября 2015 года.

Все конкурсные работы будут размещены на сайте и доступны для обсуждения посетителями сайта.

Участники конкурса получают **дипломы участников, лауреатов или победителей конкурса**.

Победители, набравшее наибольшее количество баллов, получают дипломы за 1-е, 2-е и 3-е место, а также возможность бесплатной публикации учебно-методической разработки (до 5 страниц) в научно-методическом и теоретическом журнале «Социосфера».

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России

(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- Редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок).
- Изготовление оригинал-макета.
- Дизайн обложки.
- Печать тиража в типографии.

Данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг «**Премиум**» включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Тираж включает экземпляры, подлежащие обязательной отсылке в ведущие библиотеки Чехии (5 штук) или в Российскую книжную палату (16 штук).

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- ✓ training manuals;
- ✓ autoabstracts;
- ✓ dissertations;
- ✓ monographs;
- ✓ books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered

Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
or in Russia

(in the output of the publication will be registered

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors).
- Making an artwork.
- Cover design.
- Print circulation in typography is by arrangement.

These types of work can be carried out individually or in a complex.

«Premium» package includes:

- editing and proofreading of the text;
- production of an artwork;
- cover design;
- printing coloured flexicover;
- printing copies in printing office;
- ISBN assignment;
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic;
- sending books to the author by the post.

Circulation includes copies, which are obligatory delivered to the leading libraries of the Czech Republic (5 items) or to Russian Central Institute of Bibliography (16 items)..

Other options will be considered on an individual basis. For questions and requests you can contact us by e-mail sociosphere@yandex.ru.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Russian-Armenian (Slavic) State University
Dagestan State University

THE THEORY AND PRACTICE OF GENDER STUDIES IN WORLD SCIENCE

Materials of the VI international scientific conference
on May 5–6, 2015

Articles are published in author's edition.
The original layout – I. G. Balashova

Signed in print 13.05.2015. 60x84/16 format.
Writing white paper. Publisher's sheets 5,8.
100 copies.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika.
Tel. +420608343967,
web site: <http://sociosfera.com>,
e-mail: sociosfera@seznam.cz